

Елена Кучеренко

«НЕ УБИВАЙТЕ ЧУДО!»

*и другие
рассказы*

Елена Александровна Кучеренко

«Не убивайте чудо!»

и другие рассказы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=53660081

«Не убивайте чудо!» и другие рассказы:

ISBN 978-5-7533-1537-3

Аннотация

Новая книга Елены Кучеренко, москвички, выпускницы театроведческого факультета ГИТИСа и мамы пяти дочек – это сборник рассказов, посвященных теме удивительных событий в жизни людей и чудес, которые могут случиться с каждым из нас. Они могут быть большими и маленькими, но их способен заметить лишь внимательный к себе и окружающим человек. Автор в своих рассказах говорит о главном – о чуде преображения человеческой души, которое происходит при встрече с Богом. За повседневной суетой этот миг легко пропустить.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Как все начиналось	5
Наш дурдом на выезде	6
Как я выходила замуж, или Моя Ксения	31
Петербургская	
Мое первое Рождество	38
Отец Евгений и его чада	47
Другой мир	48
Жизнь смешного человека	51
Гарна дивчина и Питер Бабангуда	62
Петька Сопля	73
«Не знаешь, чему завидуешь»	85
Бомж, просфорница и ботинки	93
Маркуша-чудотворец	102
Один шаг к Богу	113
«Спасибо за любовь»	119
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Елена Кучеренко
«Не убивайте чудо!»
и другие рассказы

Как все начиналось

Наш дурдом на выезде

Обожаю неофитов! Этих кристально чистых, наивных, искренних и абсолютно счастливых людей. Больших детей. Как малыш, только вставший на ноги, изо всех сил рвется к маме, захлебываясь от любви, падая, набивая шишки, вставая и опять падая, так и неофит. Открыв для себя новый удивительный мир, он сломя голову несется к Богу, круша все на своем пути, лишь бы залезть на руки, прижаться и быть с Ним всегда...

Удивительное время, неповторимое церковное детство, когда все просто. Черное – это черное, а белое – белое. Когда любовь к Богу, горячая и бескомпромиссная, хлещет изнутри фонтаном и заливают всех без разбора. Когда ничего

не знаешь, не умеешь и ведешь себя как дурак, но хочешь поделиться со всеми своим счастьем. Когда душа горит, как не будет гореть больше никогда. И так легко и радостно молиться. И Господь слышит эти молитвы. А на каждом шагу нас ждут открытия, откровения и чудеса.

Не ругайте неопитов за их глупости, а лучше улыбнитесь. Как улыбаются, рассматривая альбом со своими детскими фотографиями, когда вы сами еще были смешны и нелепы. Теперь вы выросли, стали степенны, смиренны и мудры. По-взрослеют и они, поверьте. Детство быстро проходит, и церковное тоже.

Мы с друзьями любим собратся вместе и вспомнить эти счастливые времена – наш приход в храм.

Одни, уверовав горячо и истово, вынесли из дома на по-мойку всю классическую литературу, музыкальные диски и кассеты, а также компьютер, телевизор и радио. А потом, намолившись до умопомрачения (ведь это и есть христиан-ская подвижническая жизнь), сидели в пустой квартире и ду-мали, чем бы заняться.

Другая новоиспеченная семейная пара решила подражать Иоанну Кронштадтскому и жить как брат с сестрой. «Изжи-ваем из себя страсть и похоть», – поясняли они. Прoderжа-лись год. А потом в очень короткое время родили шестерых детей и останавливаться не собираются.

Я росла в обычной советской семье. Мои родители не бы-ли верующими людьми. И Бог тогда в моей жизни просто от-

сутствовал. По крайней мере, я о Нем ничего не знала. Помню только, как лет в двенадцать дедушка собрал нас, внуков, и скопом крестил в каком-то храме города Краснодара, куда меня отправляли каждое лето на каникулы. Вот, наверное, и все.

Окончательно пришла я в храм уже взрослым человеком, мне было за двадцать. И мой личный период неофитства был горяч и необуздан.

«Ты просто подарок для психиатра, – говорила тогда обо мне одна моя подруга-театралка. – Дурдом на выезде! А вообще классный типаж! На сцене такой заценили бы».

Началось с того, что я доказывала верующему мужу моей подруги, что Бога нет, а сам он, этот муж по имени Александр, – мракобес и эксплуататор, ибо утверждает, что мужчина – глава семьи, а «жена да убоится». И религиозный маньяк.

«Дурдом», – думала я, как потом та моя подруга-театралка обо мне, сидя у Саши с женой в гостях и глядя, как он молится и крестит еду, себя, а иногда и меня – в моменты моей особо вдохновенной атеистической пропаганды.

Александр работал психологом в православном центре на одном московском подворье, где лечат наркоманов, алкоголиков и пострадавших от оккультизма.

В тот день у них дома я познакомилась с его коллегой. Сейчас он уже диакон, отец шестерых детей и крестный нашей второй дочери Сони. А тогда был просто Славой и, так

же как и Саша, «стремным, бородатым и крестьящимся типом».

Помню, Александр заварил для нас какой-то особенный вкусный чай, который «очень любят у нас на подворье». После двух чашек я почувствовала странное опьянение. Предметы поплыли у меня перед глазами, а я сама начала туго соображать. В этом странном состоянии я еле добралась до дома и завалилась спать.

На следующий день, придя в институт с отеком лица и страшными головными болями, я рассказала той самой подруге-театралке о моем вчерашнем чаепитии.

«Наверное, они туда что-то подмешивают наркотическо-гипнотическое, – предположила она. – Опаивают нормальных людей, чтобы те становились такими же, как они, – религиозными маньяками. Тоже мне, наркологи. Ты больше не пей».

Саша изворачивался и оправдывался, утверждая, что чай был самый обычный, только с чабрецом. Я не верила, нападала и угрожала. А через несколько лет, купая одну из своих дочерей в ванночке с чабрецом (доктор прописал), почувствовала все то же самое. Оказалось, что эта травка – единственное, на что у меня аллергия, даже на запах.

Удивительно, но эта история наших отношений не испортила, и вскоре я с Александром и его женой попала на то самое подворье, где он работал. Зашла просто ради любопытства.

– А мы тебя давно ждем, – радостно сказал его коллега Слава, который тоже там был.

– Странно, – удивилась я. – Я же не из ваших... этих самых... маньяков.

– Да ладно, такие, как ты, как раз из наших, – улыбнулся он.

Я недоверчиво пожала плечами, и мы отправились на службу. Они – потому что «маньяки», а я – за компанию.

И да! Я оказалась из этих самых – из «маньяков». Я открыла для себя абсолютно новый, прекрасный мир, где любитесь и дышится, где душа поет и хочется делать что-то такое... Такое... Не ясно пока что, но нужно показать всему миру и Богу, что я тоже «верую и исповедую».

Как человек увлекающийся и идущий во всем до конца, я в одночасье сменила свою модную одежду на длинную черную юбку и старую мамину шаль, которой гордо повязала голову, благо была зима. И естественно, купила метровые плетеные четки и большой молитвослов, который с озаренным видом читала в метро. Выглядела я как средневековая странница и очень гордилась, когда на улице меня иногда спрашивали любопытные незнакомцы, не из монастыря ли я. В ответ делала неопределенный жест рукой, по которому сложно было понять – да или нет. Но ясно было одно – особа я не простая, а, мягко говоря, высокодуховная.

Правда, вскоре меня немного отпустило, ведь нужно было как-то выходить замуж, чего я очень хотела. Выглядеть

я стала более прилично, но все же в рамках православного стиля с его различными атрибутами. Я постилась, молилась, ходила на службы и в церкви вела себя как своя, периодически сталкиваясь у подсвечников с «конкуrentками» – местными бабульками.

Я перестала смотреть телевизор и, пыхтя от возмущения, выключала его перед носами чинно сидящих на диване домашних.

– Лучше бы правило вечернее почитали, – твердила я им. – С чем перед Господом предстанете? В Царствии Небесном телевизоров не будет. Хотя где вы, а где Царствие Небесное?

– Леночка, это же просто новости, – робко возражала моя интеллигентная мама.

– Ну-ну, – презрительно кидала я через плечо. – Первая антихриста и увидишь. По новостям.

Я восторженно постилась, укоризненно жуя листья салата, пока мои грешные сродники поедали котлеты. И по средам и пятницам скрупулезно изучала состав всех потребляемых продуктов – а вдруг там, упаси Бог, сухое молоко или яичный порошок.

А еще я мечтала поделиться радостью постнической жизни со своими домашними, не имеющими к Церкви никакого отношения. За ужином, самозабвенно хрустя своей травой, я рассказывала им о геенне огненной и адских муках для таких невоздержанных, как они.

– Вот ты ножку куриную грызешь... вкусно, да? – коварно обращалась я к недавно вернувшейся с работы, но успевшей приготовить ужин маме.

– Вкусно, – улыбалась она.

– А сегодня ведь среда. А знаешь, что старцы говорят? На каждом кусочке мяса, съеденном в пост, сто бесов сидят. Думаешь, ты курицу ешь? Нет, ты бесов глотаешь, и они у тебя внутри кишат... А еще смердят...

Мама с опаской глядела на ножку, с еще большей опаской на меня, и аппетит, к моей радости, у нее отбивало напрочь.

Я начала посещать лекции отца Даниила Сысоева. Служил он в то время и проводил свои беседы на том самом подворье, где работали Саша со Славой.

Батюшка увлеченно рассказывал о Священном Писании. Я, как человек неподготовленный, ничего не понимала и не знала, чем Ветхий Завет отличается от Нового, а всенощная – от литургии. Но мне очень нравилось находиться среди этих прекрасных людей – суровых бородатых мужчин и смиренных женщин в платках.

Больше всего я любила пить вместе со всеми после занятий чай (без чабреца, конечно) за чинной благочестивой беседой в старинной холодной каменной палате, приспособленной под кухню. Я чувствовала себя частью чего-то большого и важного.

Еще я запомнила, как отец Даниил, будучи из семьи священника, рассказывал, как в детстве его вызывали в школе

к доске и всячески ругали за то, что он верующий и не хочет вступать в пионеры. А он представлял себя мучеником и очень гордился. И я тоже мечтала исповедовать, страдать и радоваться...

* * *

Моя первая православная весна! Все мне казалось высшим знаком и Божьим чудом. Я отправилась с паломниками в мою первую поездку – по Подмосковию и близлежащим областям. Была суббота накануне Вербного воскресенья. Хорошо помню какую-то восторженную суету, которая мне, начинающей верующей, очень нравилась. В автобусе мы все время пели акафисты. Потом, на остановках, куда-то бежали, никуда не успевали – даже в туалет. Возвращались в автобус и опять пели.

Мы побывали в нескольких храмах Переславля-Залесского, в Годеново. На источнике, где я впервые в жизни окунулась. Хотя боялась смертельно.

В памяти четко отложились две вещи. Девушка, которая ныряла передо мной и у которой от ледяной воды прокручивались, как мне показалось, на 180 градусов глаза. И древняя, немощная, трясущаяся старушка, которую привели под руки две дочки (или внучки). Подойдя к краю, она резко выпрямилась и, с громким «э-э-эхх» перекрестившись, самостоятельно и очень браво погрузилась три раза. И после нее

мне уже было стыдно давать задний ход.

На всюнощную мы попали в Никитский монастырь. И монахи раздали всем веточки вербы. И мне тоже. Трепетно и бережно я привезла веточку домой и поставила в воду. А через некоторое время верба пустила корни, и на ней распустились маленькие зеленые листочки.

Я с упоением рассказывала всем об этом «явленном мне, грешной и недостойной», чуде и видела в листочках некий указующий перст. Правда, на что он указывает, «от меня было сокрыто». Но ведь известно, что в духовной жизни ничего просто так не бывает, тем более что одна моя знакомая сказала, что вербы очень прихотливы и абы где корни не пускают.

Жертвой моих восторгов пал и психолог Александр (тот самый, напоивший меня чаем с чабрецом), ставший с недавних пор моим кумиром. Более того, сейчас он еще и крестный нашей старшей – Варвары.

После многократных рассказов о чуде и указующем персте он, видимо, сделал какие-то свои психологические выводы и предложил мне посадить веточку у них на подворье рядом с храмом. И пообещал каждый день поливать. «Нет-нет. Не переживай. Благодать из квартиры никуда не уйдет», – успокоил он меня.

В ближайший свободный день я поехала со своей чудо-вербочкой на подворье. В метро как раз был час пик. Какому-то мужчине не повезло, и толпа уронила его прямо на

меня. Падая, он зацепил веточку и чуть ее не сломал.

Увидев такое вопиющее неблагоговение, я кинулась на защиту моей святыни.

— Она же из монастыря, ты че, совсем? — кричала я на весь вагон. — Смотри, куда падаешь, коз..! Ах, не виноват?!

— Простите-простите, — бормотал он.

Но мою любовь ко всему святому было не победить никакими извинениями. Я еще долго потрясала кулаками и выкрикивала разные «православные» лозунги, перемежая их вполне современной и всем доступной лексикой. И даже пыталась драться, благо мужичок попался тихий и миролюбивый и лишь удивленно ставил блоки.

В итоге побежденный мужчина скрылся за спинами пассажиров, которые также отодвинулись от меня, наконец-то «благоговейно» освободив вокруг нас с вербочкой пространство. И только одна, видимо, очень уж далекая от Церкви дама задумчиво пробормотала, глядя на меня: «Сумасшедшая какая-то...»

Но парировать я не успела. Двери вагона открылись на нужной мне остановке, и я вышла с гордо поднятой головой, неся перед собой спасенное от нехристей сокровище.

Мы с Александром посадили вербу прямо рядом с храмом, как он и обещал. Естественно, перекрестили и полили святой водичкой. И знаете, как ни странно, она прижилась, и сейчас это чудное молодое деревце. Честное слово.

А через пару недель я отправилась в Оптину пустынь,

также с паломнической поездкой. Туда я помчалась, прочитав книгу Нины Павловой «Пасха красная». Забегая вперед, скажу, что потом этот монастырь станет мне родным и мы с мужем, которого в то время даже не было на горизонте, совершенно чудесным образом купим недалеко от обители маленький домик. Но об этом я расскажу позже.

А пока моя первая поездка туда... Помню ту же суету, акафисты и стену людских спин на службе. Был воскресный день и, соответственно, море верующих. Чудом пробилась я к свечному ящику и подала записки. А потом отправилась на могилки иеромонаха Василия, иноков Трофима и Ферапонта, убитых в 1993 году насельников монастыря, о ком, собственно, и была та книга и к которым мне так хотелось попасть.

В то время еще не было часовни, поэтому я просто сидела на монастырском кладбище на лавочке и рассказывала мученикам о том, что очень хочу замуж. Тогда это у меня была идея фикс. А в книжке было написано, что они хоть и не прославлены, но творят чудеса. Я даже написала записку и оставила там, чтобы они не забыли, – я же не одна такая.

Я набрала в мешочек земли с могил. Плохо понимала, зачем, но слышала, что она помогает. Она и сейчас у меня есть. А тогда, помню, я очень напугала этой землей мою маму, сказав, что она с кладбища.

В этом монастыре со мной случилось мое первое настоящее чудо (не считая вербочки, конечно). Точнее, второе.

Первым было то, что я вообще оказалась в Церкви. Вся моя предыдущая жизнь и умонастроение могли предвещать что угодно – от добычи руды в шахте и выступлений в цирке до полетов в космос, – но только не это.

Служба закончилась, и я зашла во Введенский храм. Народу было мало, я спокойно купила свечи и поставила одну у иконы целителя Пантелеимона. У меня тогда болел раком отец.

Неожиданно ко мне подошел какой-то странный мужчина – бородатый, в телогрейке, высоких сапогах и с «просветленным» взглядом подвижника первых веков христианства.

– Смотри, как твоя свечечка наклонилась, – сказал он. – Живешь ты плохо, надо что-то делать.

Не согласиться было сложно, жила я действительно, мягко говоря, неважно.

– Тебе нужно взять маслица от этой иконы, – сказал в итоге мужчина и указал на Пантелеимона. – Пригодится, вот увидишь. И детей своих еще будешь мазать.

– Да у меня и мужа-то нет, – возразила я.

Но незнакомец уже тянул меня к какому-то монаху за благословением на взятие масла из Пантелеимоновой лампадки, а потом к свечному ящику – за пузырьком. Чудак чудак. Но...

Через какое-то время мой отец был уже при смерти. Врачи сказали, что анализы его несовместимы с жизнью. Он буквально разлагался изнутри, но в больницу ложиться не хотел.

К нам домой приходила медсестра делать уколы, а в квартире стоял страшный, непередаваемый запах.

Тогда-то я и рассказала моей маме о странном мужике и пузырьке с маслом от иконы целителя Пантелеимона. Мама капнула немного маслица отцу в рот.

«Скажите, а где запах?» – удивленно спросила медсестра, навестившая нас на следующее утро. Вскоре отец повторно сдал анализы – они были хорошими. Он прожил еще какое-то время...

Пройдут годы, я с семьей буду часто ездить в Оптину пустынь и сделаю открытие, которое меня потрясет.

Несмотря на то что я и Оптину очень полюбила, и почитала старцев, и со мной там случались удивительные истории, я никогда не удосуживалась запомнить, когда же дни их памяти. И буквально недавно я наконец-то поняла, что Собор преподобных старцев Оптиных – 24 октября. Двадцать четвертого октября! Это день рождения моего отца. Он, благодаря оптинскому маслицу, которое меня буквально заставил взять чудаковатый мужик, на время вылечился от рака. Пусть не навсегда, но все же. А потом исповедался и причастился. Впервые в жизни. Благодаря милости Божией и помощи моих любимых оптинских святых, которые сделали ему такой подарок. Говорят же, что у Бога случайностей не бывает. А их и правда не бывает...

Детей своих, как предсказывал мужик в телогрейке, я этим маслом не мазала. Потому что потратила все на мой

беременный живот – вскоре я вышла замуж.

Врачи все девять месяцев пугали какими-то диагнозами и выкидышами. Но наша Варя родилась в срок, хорошей и здоровой девочкой, спасибо святому Пантелеимону. И кстати, наша средняя дочь Соня появилась на свет как раз 9 августа – в день памяти святого целителя.

* * *

В том же паломничестве я познакомилась с одной очень благочестивой пожилой женщиной. Она ехала в нашем автобусе и самозабвенней всех пела акафисты.

– Раба Божия Фотиния, – представилась она.

И отчество у нее было какое-то необычное: то ли Аполлоновна, то ли Альфонсовна, то ли Альфредовна. Не вспомню уже, пускай будет Аполлоновна.

В храм она попала ненамного раньше меня, но, на мой восхищенный взгляд, уже достигла удивительных духовных высот.

Несмотря на солидный возраст, у нее была длинная девичья коса, перевязанная ленточкой, а платок она не снимала даже ночью (ибо «в чем Я застану вас, в том и буду судить»). В лексиконе у нее почти полностью отсутствовали светские выражения, и изъяснялась она исключительно высоким церковным штилем. Молилась раба Божия Фотиния громче всех, и не просто, а с красивыми витиеватыми под-

вызываниями. А еще постоянно брызгала вокруг себя святой водой, и для каждого у нее находилось ценное душеполезное поучение.

Несмотря на свою недолгую церковную жизнь, Аполлоновна уже успела пострадать за Христа. Она рассказала об этом в первые же минуты нашего паломничества.

Выразилось это в том, что на работе ей пригрозили принудительным лечением, если она не уйдет на пенсию. Причина же всего крылась в том, что...

— ...вместо того чтобы заниматься всякой ерундой, я в первой половине рабочего дня читала Псалтирь, а во второй — Евангелие и Апостол, — гордо объяснила она. — И кропила всех этих нехристей вокруг.

В общем, авторитет Фотинии среди других паломников был настолько велик, что когда кто-нибудь замечал ее приближение, тут же передавал по цепочке: «Шухер! Коса!» Все кидали свои душевредные дела — мобильные телефоны, бутерброды и т. д. — и утыкали носы в молитвословы. Потом следовала команда «Отбой!».

В ту поездку мы с Фотинией сблизились на почве нашего религиозного фанатизма, и она пригласила меня отдохнуть летом в Крыму с ней и ее пятилетним внуком Славином. (Это было давно, когда туда еще можно было добратсья на поезде.) Родители ребенка, видимо, на тот момент еще не оценили всю степень бабушкиного воцерковления (жили они на разных концах города и виделись нечасто) и с радо-

стью отпустили с ней малыша. А я почла за честь еще одно совместное путешествие с моей благочестивой знакомой.

Хозяйка домика, где нам предстояло остановиться, была мамой священника, так что полное «православие» на отдыхе нам было обеспечено.

Всю весну мы созванивались, делились духовными достижениями и впечатлениями. А мне было что рассказать. Я все чаще исповедовалась, причащалась и даже начала понимать то, что объяснял на своих лекциях отец Даниил Сысоев.

В Крым мы ехали в плацкартном вагоне. Это, кстати, был мой первый подобный опыт – до этого я ездила только в купе. Но Фотиния сказала, что купе и духовность – две вещи несовместные. Нужно быть скромнее и смиреннее.

Как водится, по поезду ходили продавцы всяких разностей. Один приветливый паренек, торговец детскими книгами, увидев Славику, с улыбкой протянул «Золотой ключик».

Желая усугубить приятные чувства, которые питала ко мне Фотиния, я решила сделать мальчику подарок, взяла книжку и полезла за кошельком.

– А благословение у вас есть?! – вдруг грозно выпалила моя сестра во Христе, выхватив у меня из рук «Ключик».

Парень с недоуменной улыбкой уставился на нее.

– Ну, кто вас благословил распространять здесь литературу?!

В проходе показались люди, заинтересовавшиеся происходящим. Продавец показал пальцем на ухо, давая понять,

что он глухонемой. Но было видно, что он почуял неладное.

Решив во что бы то ни стало донести свою мысль, Фотиния начала энергично крестить книги и глухонемого, периодически разводя руки в стороны и делая вопросительное лицо.

Тут до Славика дошло, что красочная книжка, счастливым обладателем которой он должен был стать, уплывает. Он заревел в голос и начал хватать бабушку за рукав. Женщина, отталкивая внука, продолжала свою жестикуляцию. Зрители, которых вокруг нас собралось уже много, смеялись, а у продавца было такое лицо, что я испугалась, что он сейчас заговорит.

– Нет у него никакого благословения! – рявкнула подоспевшая проводница и, схватив парня за шкирку, протолкнула его дальше по вагону. – Расходимся, расходимся, пассажиры, антракт! А вы ребенка лучше успокойте. Вместо того чтобы руками здесь махать.

В общем, в этом паломничестве у нас с самого начала что-то не задалось. Последующие полчаса Фотиния пеняла мне за неосмотрительную попытку приобрести неблагословенный «Золотой ключик». А у меня в голове то и дело мелькала крамольная мысль о том, что изменилось бы в его содержании, если бы благословение у глухонемого все же было. Но высказать ее вслух я побоялась...

Приближался вечер. Под успокаивающий стук колес наша идиллия была восстановлена. Славик радостно хрустел ваф-

лями, которые в награду за страдания выдала ему бабушка. Сама Аполлоновна что-то ловко вязала, а я изучала фотопутеводитель по православным святыням Крыма.

И тут, положив на стол работу, Фотиния решительно произнесла:

– Ну что, за правило?

Я послушно полезла в сумку за молитвословом и, достав, стала про себя читать.

– Во имя Отца и Сына и Святаго Духа... – торжественно и громогласно раздалось у меня над головой.

«Нет, нет, только не это», – трусливо подумала я.

– Царю Небесный, Утешителю, Душе истины...

В проходе опять показались зрители. Я умоляюще подняла глаза на Аполлоновну. Властным жестом она приказала мне встать рядом. Я вцепилась в полку. Любопытные пассажиры ждали, что будет дальше.

– И очисти ны от всякия скверны... – с явной угрозой в голосе произнесла Фотиния.

Сосед с боковой полки сочувственно мне улыбнулся.

– Что-то живот... – нашлась я и выскочила в проход.

– И спаси, Блаже, души наша, – презрительно летело мне вслед.

Все вечернее правило, которое в голос и с раздражением читала моя попутчица, я малодушно простояла в конце вагона, делая вид, что меня это не касается, и заинтересованно глядя в окно. Периодически до меня доносились поже-

лания пассажиров: «А можно потише?» и «Лечиться надо». А в сердце у меня нарастала тоска.

Я вспомнила, что Христос сказал: «Кто Меня постыдится, того и Я постыжусь». Думала об отце Данииле Сысоеве, который с детства мечтал быть мучеником. И чувствовала себя предательницей веры.

С этого момента отношение ко мне Аполлоновны стало неуклонно меняться в худшую сторону. Однако это не мешало ей вручать мне почти ежедневно в Крыму Славика и отправляться по каким-то своим очень благочестивым делам. Хотя, если честно, дел у нее хватало и по месту нашего жительства.

У нашей хозяйки, мамы священника, были достаточно большие «угодья». Помимо ее собственного дома на участке стояло еще несколько «избушек» поменьше и вообще крохотных, но весьма комфортных «сарайчиков». Пользовались все одной большой общей кухней. А столовая выполняла еще и функции помещения для релакса – там стоял телевизор.

Матушка (так называла хозяйку Фотиния) оказалась весьма неразборчива в выборе клиентуры, так что рабе Божией Аполлоновне было кому нести свою проповедь. Но начать она решила, естественно, с меня.

Первым делом она шокировалась моими шортами, которые я надела, собираясь на пляж, назвав их развратом и непотребством. Пришлось облачаться в длинную юбку.

А потом в ужасе шарахнулась от моего купальника.

Честно говоря, как образцовый религиозный маньяк, я долго сомневалась, по-православному ли это – ходить на пляж. И даже обратилась к одному батюшке за разъяснениями. Он, посмеявшись, погладил меня по голове за рвение и благословил «позагорать и понырять и за него», а то он уже лет десять не был на море...

Сама Фотиния плавала в длинной белой рубаше, крестясь на все четыре стороны, когда заходила в воду.

На следующий день я встала пораньше и малодушно сбегала на море одна. Накупавшись в свое удовольствие, я вернулась и застала Фотинию в релакс-комнате – она громко диктовала названия грехов Ирине Ивановне, тихой и интеллигентной пенсионерке, также приехавшей сюда на отдых. Пожилая женщина обреченно и кротко записывала: «Согрешила блудными помыслами, блудом как таковым, нескромными действиями, крашением лица...»

Позже мне рассказали, что в то утро, прочитав, как водится, во весь голос утреннее правило, Аполлоновна решила заняться проповедью покаяния среди обитателей нашего двора. Но все как-то быстро испарились. «Отмазаться» от насильственного воцерковления, в силу своей интеллигентности, не смогла лишь Ирина Ивановна – женщина, относящаяся к церкви уважительно, но никогда не переступавшая ее порога.

И вот уже Фотиния готовила кроткую пенсионерку к ее

первой исповеди, которую назначила на послезавтра, диктуя все проступки, в которых, по ее мнению, та была повинна, подробно все растолковывая.

Весь отпуск Аполлоновна самоотверженно следила за всеобщей моралью и нравственностью, яростно выключая в столовой телевизор, если его кто-то смотрел: «В Москве борешься-борешься, приезжаешь на море отдохнуть душой и телом, и на тебе – то же самое».

Она учила всех семейных воспитывать детей так, чтобы они «возрастали в духе», а не бегали нецеломудренно голяком по пляжу и не смотрели мультик про Лунтика, потому что он не кто иной, как лунный бес с четырьмя рогами.

«Чокнутая», – с оттенком даже какого-то восхищения говорили о ней наши «коллеги по отдыху».

Пока же Фотиния всем этим занималась, ее внук Славик был предоставлен мне, а больше – сам себе, потому что я все чаще сбегала куда-нибудь. В итоге он сломал в хозяйских «угодьях» все, что можно было сломать, и даже отравил (к счастью, не насмерть) хозяйского пса, подсыпав ему в корм стиральный порошок.

Когда подошел день нашего отъезда, все были несказанно счастливы. Включая хозяйку, которой Аполлоновна высказала претензию по поводу испорченного неблагочестивой публикой отдыха.

Со мной Фотиния не общалась, более того, она теперь считала меня своим идейным врагом, потому что у меня

не хватило духу поддержать ее бесоборческую деятельность. Деятельность, которой я сама, между прочим, счастливо и вдохновенно предавалась в Москве. Однако здесь, в Крыму, при взгляде со стороны и более тесном общении, она оказалась какой-то очень уж симптоматичной.

В общем, было как-то тоскливо.

Вечером накануне нашего отбытия к хозяйке приехал ее сын, отец Иоанн. Видимо, матушка на нас нажаловалась, потому что он предложил мне прогуляться и почему-то стал рассказывать о себе. Он, оказывается, тоже когда-то боролся с кишаскими бесами, прущими из телевизора, и искал в составе печенья сухое молоко. А еще «мочил» баптистов...

Было это в первые годы воцерковления простого украинского хлопца Вани. Они с друзьями выпили пива (благо был какой-то церковный праздник, а где елей, там и вино, а где вино, там и пиво) и отправились на богословские споры в молельный дом. Поход этот закончился «стенкой на стенку» двух христианских «группировок» и приездом милиции. Дальнейшая беседа на евангельскую тематику проходила уже в «обезьяннике».

Здорово же влетело Ивану с друзьями от местного батюшки, который приехал выручать своих неразумных чад. За баптистскими хлопцами также явился их пастырь, и на пару с отцом Василием (так звали батюшку) они убедили милицеское начальство, что это «в самый последний раз».

Потом у будущего отца Иоанна была армия, где пьяный

сержант отбил ему почки за отказ снять крестик, потом семинария, принятие сана и служба на маленьком бедном украинском приходе.

Много чего он рассказывал, и тогда-то я узнала, кто такие неофиты. И слышала вещи, о которых до этого не задумывалась. Хорошо запомнились слова: «Понимаешь, Господь же Сам сказал: “По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою”. Представляешь? Даже не по тому, как мы молимся, постимся, в чем ходим... Хотя это тоже важно».

А Фотиния, как я потом узнала, с ним поговорить отказалась.

В тот вечер я вернулась в наше поселение, твердо веря, что теперь-то все понимаю. А главное, я решила, что нам с Аполлоновной не по пути, потому что в ней нет любви.

Войдя в столовую и сухо кивнув ей, я уселась перед ее носом смотреть передачу «Дом». Честно говоря, очень дурацкую, тогда это был первый и последний раз. Когда же она попыталась выключить телевизор, я спрятала за спину пульт и победно (а главное – при всех) рассказала старушке про все ее промахи и перегибы, про неуправляемого Славика и испорченный отдых.

«И вообще, главное в христианском деле не все эти глупости, а любовь», – закончила я и удалилась, наслаждаясь ее шоком и источая стервозность.

Всю обратную дорогу мы с Фотинией не разговаривали.

И, сдержанно попрощавшись, расстались в Москве. Больше мы никогда не виделись. А душа у меня ноет до сих пор. Да, главное в нашем деле – любовь... А с любовью ли я обличала тогда эту странную пожилую женщину? Обличала за то, что и сама делала?

А еще. «Истина, сказанная с раздражением, – это не истина», – скажет мне позже один умный человек.

Я продолжала ходить в храм, молилась, постилась. Но было уже не так легко, радостно и безумно, как вначале. Я то падала, то вставала, то благодарила Бога за Его милости, то «хлопала дверью» и предавалась светским развлечениям. Часто унывала. Наверное, это было то самое, о чем говорят, что в начале пути Господь держит человека, учит его ходить, а потом отпускает. Чтобы тот шел уже сам.

* * *

Идут годы. Я замужем, у меня уже пятеро детей. Как я встретила своего мужа – это отдельная история, и о ней я расскажу через несколько секунд.

Много удивительного и прекрасного случилось за это время. Много чудес подарил мне Господь – больших и маленьких, явных и совсем незаметных. Но, знаете, главного чуда со мной пока не случилось. Я так и не научилась тому главному, о чем говорил когда-то в Крыму отец Иоанн и о чем пишет апостол Павел. Тому важному, чего ждет от меня мой

Создатель. Я так и не умею любить. Не только Бога – Его мы «любим» все и за Него перегрызем глотки кому угодно, – а людей: Фотинию, дядьку, упавшего на мою вербу, алкаша, бомжа и просто прохожего... Любить и прощать всех, несмотря на их ошибки и недостатки. Как любит нас Господь наш Иисус Христос.

А еще меньше я умею любить своих близких – тех, кто от нас терпит больше всех. Я на все обижаюсь и часто обижаю. Без причины, просто потому, что у меня плохое настроение. И мне порой бывает трудно это признать.

Смогу ли я научиться любить? Я не знаю, но очень этого хочу. Ведь только тогда, когда будет во мне любовь – настоящая, которая не выбирает, – я стану действительно христианкой.

А пока... Пока я часто скучаю по тому глупому и прекрасному времени, когда не было сомнений и компромиссов и хотелось бросить к ногам Господа все. По неуправляемой радости в душе, искренности и глупостям, за которые мне шептали вслед про дурдом. Этого уже давно нет, ведь детство быстро проходит, и церковное тоже. А любви надо учиться всю жизнь.

Как я выходила замуж, или Моя Ксения Петербургская

А теперь о моем замужестве. Было это на заре моей церковной жизни. «Заря» же эта приходилась далеко за мои двадцать лет. И как, наверное, любая девушка, к тому же девушка достаточно «взрослая», я очень хотела замуж.

А как новоиспеченная, рьяная христианка из очень далекой от Церкви столичной семьи дипломатов, я мечтала о спокойной жизни где-нибудь в тихом уголке. Желательно вообще в глухой деревне, рядом с монастырем. В окружении кучи детишек и «под предводительством» бородатого православного мужа. О семейной молитве на рассвете, о гардеробе, со-

стоящем из огромного количества длинных юбок и платочков в тон. Об огороде, где будет расти все-все. О долгих монастырских службах, где рядом с нами, родителями, будут стоять шеренгой наши милые послушные детки и тихонько молиться. И о перманентных чудесах...

А еще я решила, что если не создам такой семьи до тридцати пяти лет (в моем представлении это был предел детородного возраста, да и вообще предел всего), то просто уйду в монастырь, что тоже неплохо.

Приняв благообразный вид, то есть сменив джинсы на платья и скромно нацепив платок, не забыв выпустить из-под него кудри – товар лицом, так сказать, – я стала ходить на службы, поститься, молиться и глазеть по сторонам.

Но со временем, как, наверное, все люди, вступающие в церковную жизнь, я не то чтобы поняла – понимала я в этом тогда вообще мало, – а скорее почувствовала, что жизнь эта намного глубже и сложнее, чем мои живописные мечты. Да и бородатые женихи как-то не спешили со своими руками и сердцами. А потом еще выяснилось, что даже при создании православной семьи необходима такая «банальная» вещь, как любовь. В общем, не «екало», когда все же изредка кто-то подходил знакомиться.

Когда я вконец отчаялась и готова была действительно уйти в монастырь, мне в руки попала книжка о святой блаженной Ксении Петербургской – купила в Храме Христа Спасителя. Слышала о ней впервые.

С удивлением вычитала я, что она особо помогает в семейных вопросах. В доказательство были приложены многочисленные свидетельства очевидцев. А на последней странице дан адрес часовни на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге, построенной на месте ее захоронения.

Сейчас же мчаться туда у меня возможности не было – я работала и училась в аспирантуре. Но я решила написать «работникам» часовенки письмо. Обливая искренними слезами многочисленные листы, подробно рассказала им о своей бестолковой жизни.

Стоит отметить, что училась я в театральном вузе, и жизнь там была вполне себе развеселая. Умоляла в письме «передать» все это святой, чтобы она, несмотря на вышеперечисленное и весьма греховное, все же сжалилась и помогла мне выйти замуж.

И попросила почему-то отслужить в часовне панихиду по ней. Что по ком служится, я тогда не вникала, но просила искренне. И подкрепила свою мольбу всем, что было в кошельке. Как сейчас помню – 150 рублей. Пошла на почту и отправила письмо.

Прошло две-три недели, и (о чудо!) я получила ответ. Меня благодарили за пожертвование, все сделано, молебен отслужен, и все будет хорошо. И еще в письмо был вложен маленький цветочный лепесток, освященный на могилке Ксении Петербургской. И в тот момент, наверное, впервые в жизни я ни капли не сомневалась, что – да! все будет

хорошо, все будет как должно быть.

А еще дней через десять с драгоценным письмом в сумке (с ним я решила не расставаться!) я уезжала отдыхать с подругой и ее мужем Александром – тем самым психологом, который напоил меня чаем с чабрецом, – на Украину.

В последнюю неделю нашего там пребывания они предложили заехать в маленький городок N, откуда был родом Александр. А там – зайти в гости к его однокласснику Вадиму.

Было уже достаточно поздно, мы долго звонили в дверь, она наконец открылась... И на пороге предстал он – бородастый и с крестом! Но и это не главное. Главное – не то что екнуло, а накрыло. О чем мы говорили все весь вечер – не знаю. Помню только, что в голове был туман, на лице – глупая улыбка, а в сумочке – письмо и освященный лепесток.

Мы пробыли в благословенном городе N еще дня три. Все время я умоляла блаженную Ксению сделать хоть что-нибудь. Ведь это он, он! А нам уезжать.

Мы ходили купаться, варили уху, играли в теннис, было весело, но он совсем не обращал на меня внимания.

И вот день отъезда... Я и мои друзья ждали междугороднюю электричку до соседнего города. Там у ребят была квартира, где мы, собственно, и жили весь отпуск и где нам предстояло провести еще несколько коротких дней перед возвращением в Москву.

Оставались минуты до посадки. Обливаясь в душе кро-

кодилыми слезами и изо всех сил пытаюсь «держать лицо», я продолжала взывать к святой, так обнадежившей меня своим лепесточком.

У Александра зазвонил мобильный телефон. Коротко переговорив с кем-то, он радостно заявил:

– Вадим поедет с нами, он уже бежит.

– А чего он раньше-то не сказал? – спросила я.

– Он не знал, успеет ли, – объяснил Александр. – Ему нужно было на даче забить кролей.

Кроликов разводила мама Вадима.

Меня накрыл такой поток счастья, что это зверское «забить кролей» прозвучало для меня примерно как «пойти на медведя с одним ножом».

«Настоящий мужчина, – думала я, – добытчик! Не то что наши московские хлюпики. Ксения, ну помоги же!»

Прибежал Вадим, мы прыгнули в электричку и поехали.

Не буду тянуть долго, в тот же день он сделал мне предложение, от которого невозможно было отказаться.

– Когда ты выйдешь за меня замуж? – тоном, не терпящим возражений, спросил он.

Практически падая в обморок от счастья, я всем своим видом показала, что хоть сейчас. А он, просияв, признался, что все эти дни был холоден и неприступен, потому что был уверен, что столичная штучка (то бишь я) – это не для простых украинских хлопцев. Но в итоге не сдержался.

Через три дня я уехала, а спустя месяц мой суженый при-

ехал за мной в Москву, похитил и увез в город моей мечты – маленький украинский городок N.

Все знакомые крутили у виска, а я бросила аспирантуру, работу, была влюблена и счастлива. Мы быстро расписались и через два дня обвенчались – в Крыму. А ровно через девять месяцев у нас родилась наша первая дочь Варенька.

Правда, позже выяснится, что жена декабриста из меня, прямо скажем, не очень. Хотя все было как в мечтах – тихая провинция, молитвы на рассвете (если честно, просыпалась я часто со скандалами), длинные службы, а мой драгоценный муж даже пел на клиросе в самом настоящем подряснике.

В общем, прожив там полтора года, мы переехали в Москву. Все это время я вела с Ксенией Петербургской активный молитвенный диалог, то благодаря ее за нечаянную радость, то (в моменты семейных катаклизмов по классической итальянской схеме) доставая заветный лепесточек и предъявляя ему всевозможные требования и ультиматумы.

«И вообще, что я здесь делаю?! – вопрошала я. – В Москве творчество, аспирантура, а я тут сижу беременная и целыми днями уплетаю бедных замученных и засоленных кролей. И отец Евгений (местный настоятель, о котором я много чего расскажу) еще ругает: “Ты, конечно же, непраздная, но кролей в пост – ни-ни. Ибо – грех!”»

А когда мы уезжали, я подарила лепесток одному нашему другу-алтарнику, который долго не мог жениться... Сейчас у него прекрасная жена. И они взяли из детского дома от-

личного мальчугана.

А у нас с мужем сейчас четверо чудесных детей – четыре девочки. Варя, Соня, Дуня и Тонечка.

Разное бывает в жизни. Но когда проходят обиды, кончаются ссоры и хоть частично иссякают претензии (а без всего этого, в силу природных склонностей, мне никак нельзя), я не устаю благодарить Господа Бога и святую блаженную Ксению Петербургскую за незаслуженный мною дар – мою любимую семью. За это великое чудо, которое со мной произошло.

Мое первое Рождество

Что еще можно рассказать о тех моих первых шагах в храм? Все чаще вспоминаю мое первое в жизни Рождество в том украинском городке N и мою первую ночную службу. Да, это действительно было мое первое Рождество.

Я воспитывалась в обычной советской семье, где праздновали Новый год и верили, что как его встретишь, так и проведешь. И поэтому за богато накрытый праздничный стол садились красивыми и добрыми и обязательно в золоте – чтобы такими же и оставаться в следующие двенадцать месяцев. Не всегда получалось, точнее, всегда не получалось. Но в этот ритуал верили свято. Еще записывали на листочке заветное желание, под бой курантов сжигали, кидали пепел в бокал

с шампанским и залпом выпивали. Желания тоже чаще всего не сбывались. Но все это повторялось из года в год. А вот о Рождестве и тем более о Боге никто не говорил.

Хотя на Новый год всегда были гости, елка и подарки, я его не то чтобы не любила, но мне, еще девчонке, всегда было в этот день грустно. Не знаю, почему.

Нет, вру... В детстве я все же «прикоснулась» к Рождеству. Однажды, когда мне было лет двенадцать, седьмого января я встретила на улице соседку по подъезду. Такую чудную одинокую старушку. Мы с ней никогда не общались, только здоровались. Я ее даже немного побаивалась – из-за ее черного платка. Мне казалось, что, где черное – там обязательно смерть.

Смерти я в детстве боялась панически. Помню, меня на лето отправляли к бабушке с дедушкой в Краснодар, и там в это время обязательно кого-нибудь хоронили. Там вообще часто хоронили. Район был старый, и старых людей было много. Прощались традиционно – с шествиями по улице, с оркестром, с похоронным маршем. Я накрывала дома голову подушкой и старалась этого не слышать. Но слышала. И потом несколько дней не могла заснуть.

В общем, мимо той старушки в черном платке я старалась проскочить как можно быстрее, чтобы случайно не «заразиться» смертью. И в тот день мы кивнули друг другу, и я уже собиралась пройти мимо, как бабушка вдруг сказала:

– С праздником!

– С каким? – удивилась я.

– Ну как же! Рождество Христово! – ответила она, достала из сумки что-то завернутое в салфетку и протянула мне.

Я сунула в карман (опять же, с опаской), буркнула что-то благодарственное, а в голове начала «прокручивать» пионерскую «проповедь» о том, что «Гагарин в космос летал, но Бога не видел». Это очень любила повторять наша классная руководительница.

Но вдруг увидела ее глаза. В них было столько любви и какой-то незнакомой для меня радости, что мой рот сам собой растянулся в улыбке. И своим глупым подростковым сердцем почувствовала, что бабушка эта знает что-то такое, чего не знаю я.

Дома, развернув салфетку, я увидела какой-то пряник – таких я никогда не ела. Коричневый, с нарисованным на нем глазурю то ли снеговиком, то ли медвежонком – уже не вспомню.

Я откусила. Это был новый для меня, необычный вкус (это сейчас я знаю, что там имбирь, корица и т. д.), и пахло чем-то радостным. Я вдруг подумала тогда, что так, наверное, пахнет Рождество. Как Новый год – мандаринами. И на сердце стало тепло.

* * *

Но все это быстро забылось. Прошли годы, я оказалась

в храме, вышла замуж. И вот она, моя первая рождественская служба в маленьком украинском храме.

Я к ней очень готовилась, ожидая чего-то необычного, волшебного. Чего я никогда не чувствовала в детстве на Новый год. Еще я собиралась причащаться. И нарядилась по случаю праздника в свое самое красивое платье. Но у меня заканчивался второй месяц беременности. Половину службы я провела в своем ослепительном наряде и с обострившимся вдруг токсикозом в прихрамовых кустах.

– Да у тебя духовные проблемы, это бес в тебе сидит и к Богу не пускает, – проскрипела в итоге мне на ухо одна очень «церковная» старушка.

– Беременная, тошнит меня, – оправдывалась я.

– Спорит еще... Смирения в тебя мало, – проворчала бабушка.

Но парировать я не успела и опять помчалась в свои кусты.

Когда, изможденная этими своими токсикозными манипуляциями, я попыталась присесть в храме на лавочку, какая-то внушительных размеров дама сказала мне: «Молодая еще, постоишь».

Я попыталась объяснить ей, что я беременная, что у меня все болит, кружится голова и вообще я прямо здесь и сейчас упаду и умру. Но она буркнула тоже что-то «очень духовное» и еще шире распределила по лавке свои габариты...

Кто-то толкался. Кто-то на кого-то шипел, чтобы «не лез-

ли в такой момент со своими свечками». Кто-то кого-то все время спрашивал: «Когда же все это закончится?» и «Будут ли подарки?» Кто-то истово крестился, совсем не по-христиански «заезжая» мне по уху своим троеперстием. А кто-то облокотился на меня и заснул. Я отталкивала его, а он ложился и ложился обратно...

В сторонке, прижавшись к стене, почему-то плакала Вера Ивановна – пожилая женщина, давняя прихожанка. И все сморкалась в свой платок, огромный, мужской, синий и некрасивый.

«Зачем она здесь? – думала я. – Вроде люди радоваться должны, а она ревет. И еще платок этот...»

Мне самой жутко хотелось разреветься: все болело, тошнило и хотелось спать – прямо до ломки. Я не понимала ни слова из службы. Я вообще ее не слушала, а дико жалела, что «во все это ввязалась». В общем, ничего волшебного не было и в помине.

– Да ладно, садись, зеленая вон какая, – сказала вдруг женщина с габаритами. Встала и взяла из-под лавки свой костыль, который я раньше не заметила. И тяжело заковыляла к свечной лавке.

– Нет, что вы, сидите, я не знала, – испуганно пробормотала я.

Но она обернулась, улыбнулась и прошептала:

– Христос родился!

«Христос родился!» – екнуло в сердце. И опять вдруг ста-

ло тепло, как тогда – с пряником...

Я посмотрела вокруг. Уже никто не шипел, не толкался. Те, кто всю службу проспал – проснулись.

Я только сейчас поняла, что тот, кто на меня все время падал во сне, – это Катерина Ивановна, бабушка-грузинка восьмидесяти с лишним лет, которая, несмотря на годы, работала в храме бухгалтером и без всяких компьютерных программ виртуозно сводила дебет с кредитом, щелкая своими огромными деревянными счетами. К сожалению, она умерла несколько лет назад.

Она стояла и улыбалась. Всем – мне, людям, Богу. И улыбка у нее была какая-то удивительно детская, чистая.

«Рождество – детский праздник», – вспомнилась мне услышанная где-то фраза. Не знаю, так это или нет, но все вокруг вдруг преобразилось.

Я сама поймала себя на мысли, что ничего уже не болит, а я сижу и улыбка у меня до ушей – прямо дурочка какая-то.

Знаете, я вдруг почувствовала, что в мир пришел Господь. И к той внушительной тете, и к бабушке, которая ругала меня за мой токсикоз и пугала бесами, и к Катерине Ивановне, и к тому истовому молитвеннику, который заехал мне по уху. Ну и что, что заехал, он же не специально! И даже ко мне Господь пришел. Ко мне лично! Пришел и коснулся наших сердец. И стало как в детстве, когда мама обнимает...

А как радовались наши батюшки – отец Евгений и отец Анатолий! О них я обязательно расскажу. Отца Анатолия,

нашего духовника, потом переведут в сельский храм, но наши отношения сохранятся и мы часто будем к нему приезжать.

А тогда они буквально летали по алтарю. И будто не было усталости от долгой ночной службы. Особенно меня поразил отец Евгений. Человек-гора в облачении, он стоял и смеялся, как трехлетний мальчик. А если присмотреться, то в глазах его стояли слезы. Христос родился!

Мы причащались, потом был молебен. Помню, отец Анатолий «расшалился» и буквально окатил меня водой, вместе с моим прекрасным нарядным платьем и макияжем. Да-да... Я так хотела быть в Рождественскую ночь красивой, что даже марафет навела.

Все поздравляли друг друга. Тут же в храме пели колядки. Колядки... С ними у меня приключился конфуз. Колядок я раньше никогда не слышала и не знала, что они поются на украинском языке. Зато я знала про раскол, про Филарета и про то, что в храмах «Киевского патриархата» служат «на мове».

И вот, услышав в нашем храме «богослужебные песнопения на украинском» (а именно так я восприняла колядки), я решила, что наши батюшки «попутали берега» и ушли в раскол. Я подскочила к отцу Анатолию и начала возмущенно выяснять, в чем, собственно, дело. Он долго смеялся, когда наконец понял, о чем я.

А колядки я в итоге очень полюбила. Жаль только, что

здесь, в Москве, эта традиция не так распространена.

* * *

В углу продолжала плакать Вера Ивановна. Но уже не одна, а в обнимку с незнакомой мне молодой женщиной. И обе они сморкались в этот жуткий синий носовой платок. Потом мне рассказали, что это ее дочь Нина, с которой у них не все гладко. А тут Нина еще и забеременела и решила делать аборт. Мужа нет, работа – так себе... Как ни уговаривала Вера Ивановна, дочь – ни в какую. Уже и дату назначили. Поэтому и проплакала женщина всю службу.

Но в эту Рождественскую ночь Нине не спалось. И она встала и почему-то пошла в храм – к концу уже пришла. Пришла, постояла и вдруг сказала матери: «Эх, была не была! Будем рожать!» И теперь они обе ревели – уже от радости. Потому что и к ним пришел Христос!

...Их Мишутке уже лет десять, мама и бабушка на него не нарадуются. Как, собственно, и отчим. Нина через год после родов вышла замуж. И родила Машеньку.

* * *

Вот такая была моя первая ночная рождественская служба. В том родном маленьком городе, в маленьком любимом

провинциальном храме. С родными, любимыми людьми, многие из которых разбрелись и по другим храмам, и по другим городам и даже странам.

Распались несколько семей, с которыми мы очень дружили. И я до сих пор не могу в это поверить и отделить их друг от друга. А кто-то уже умер. Но многие и родились.

Но, знаете, где бы я ни оказалась на Рождество, несмотря ни на что, я всегда чувствую эту детскую радость, это волшебство преображения. Этот приход в мир Бога. Как в ту ночь. И знаю, что и для меня родился Христос! Чтобы я вновь стала в душе ребенком – чистым, добрым и счастливым.

Отец Евгений и его чада

Другой мир

Украинский городок N – это чудо в моей жизни.

Не сумев стать «женой декабриста» и сбежав оттуда через полтора года, со временем, повзрослев и успокоившись, я полюбила его всем сердцем, и мы стараемся бывать там каждое лето.

Там мне хорошо, тепло, радостно и спокойно. Там мне «дышится», «любится» и «пишется». Там можно остановиться, оглянуться и прийти в себя после сумасшедшей Москвы.

Смешно вспоминать, как много лет назад я приехала туда, вся из себя мАсквичка, аспирантка уникального вуза, смотрящая свысока на всю эту «деревню». И попала в совсем дру-

гой мир – простой и добрый. Мир, который так отличался от моего, столичного – холодного, витиеватого и пафосного.

Где не выживают, не завоевывают, не покоряют, а просто живут. Где не бегут вечно куда-то, отталкивая и не замечая. Где смотрят в глаза и улыбаются. Где каждый день после работы все ходят друг к другу в гости, двери всегда открыты, а столы тут же накрываются. Где людям не все равно, и они обязательно придут тебе на помощь. И где меня сразу же приняли, обласкали и всячески старались, чтобы мне было хорошо. И обсудили, конечно, ну как же без этого...

Возможно, я идеализирую. Даже скорее всего. Но в кругу людей, в котором я оказалась, было именно так.

Там наши друзья, кумовья, крестники. Там маленький и родной храм с его провинциальными «катаклизмами», где я начала по-настоящему учиться церковной жизни.

Там родные прихожане и церковные бабушки, которые, как водится, принимают активное участие в жизни других и которые сразу взяли меня под опеку. Потом, каждый раз, когда я туда приезжала, я боялась: а вдруг кого-то из них уже нет?

Как же я скучаю по всем этим людям! Да, все это есть у меня сейчас и здесь, в Москве. Но половина сердца все равно там, на Украине.

Там началась моя семейная жизнь с ее жесткими притирками. Там была очень трудная первая беременность и в простом провинциальном роддоме появилась на свет наша стар-

шая, Варвара. И там прошли первые месяцы ее жизни, такие сложные и такие дорогие.

Там наш любимый батюшка, отец Анатолий, – друг, духовник и просто близкий человек, к которому можно было прийти в любое время и в храм, и домой. И за решением проблемы, и просто попить чайку с ним, матушкой и их детьми на их маленькой кухне. Сколько всего было говорено-переговорено и выплакано на этой кухне. Сколько всего вкусного съедено. И как было уютно и тепло. Батюшка сам прибегал к нам, если нужно было помочь, помирить, утешить, сделать внушение, отругать.

Там отец Евгений, местный настоятель, – человек строгий и добрый одновременно, у которого великий дар – спасать и обращать в веру. На приходе у него я познакомилась с разными интересными людьми. И всегда поражалась тому, какими же удивительными путями ведет к Себе человека Господь.

Жизнь смешного человека

Сергей и Дуся. Их я впервые увидела в городке N, в том самом храме у отца Евгения в один из моих приездов. И сразу обратила на них внимание.

Она была в белом платье, тоненькая, нежная и солнечная, как ромашка. А он, интересный, похожий на поэта, смотрел на нее влюбленными глазами и то поправлял ее сбившийся платок, то пытался поддержать под локоть, чтобы ей было удобней стоять, то просто улыбался ей. И она улыбалась в ответ.

Был какой-то летний церковный праздник – Петра и Павла или Успение Богородицы, – сейчас уже не помню. И после службы Евгений пригласил всех в трапезную разделить

с ним «нехитрое угощение».

«Нехитрое украинское угощение» – это тема отдельного бесконечного рассказа. Скажу только, что матушка Ирина и прихожанки постарались. А украинские женщины умеют готовить как никто, поверьте мне. Чего стоят эти их вареники с картошкой и зажаренным лучком или карасики в сметане. Или борщ с румяными пампушечками с чесноком и смальцем. В общем, каждая принесла что-то свое, коронное, самое-самое.

Сели.

– Есиповна, пупочек, пупочек курячьих попробуй, – кричала кому-то полная румяная женщина.

– Эх, наливочка, – удовлетворенно крякнул какой-то бородач.

– А шо это вы ничего не кушаете? – закудаhtала надо мной одна из местных прихожанок. – Таки худесеньки...

Я поела, выпила домашнего вина (отменного, скажу я вам) и сидела расслабленная и умиротворенная.

Но главное было не это. Главное то, что за этим умопомрачительным столом я оказалась рядом с Дусей и Сережей. Отец Евгений нас познакомил, и мы дружим уже десять лет. И до сих пор я не перестаю удивляться, глядя на этих людей, чья великая любовь победила смерть.

Сережа никогда не пользовался успехом у девушек. Он был каким-то не таким... В общем, не был героем. И принцем тоже не был. А Людка из соседнего подъезда, местная пышногрудая красавица, за которой бегали все окрестные парни и за которой даже какое-то время неуклюже пытался ухаживать Сергей, вообще называла его лохом. Она прямо так и кричала на всю улицу, когда он проходил мимо: «Эй, лох, привет!»

Сережа не пил, не курил, много читал, разве что на скрипочке не играл.

Пока продвинутые пацаны тусовались во дворе с магнитофоном и не менее продвинутыми девчонками, в том числе и с Людкой, Сергей копал огород на даче у родителей и менял судно у своей старой и любимой бабушки Нины. А еще вывозил ее гулять в инвалидной коляске. «Лох, иди пивка выпьем!» – звали его ребята, а он виновато улыбался и катил бабулю дальше.

Нет, конечно, у Сергея были друзья. Но такие же, как и он, не от мира сего. Они смотрели Тарковского, читали Омара Хайяма, листали часами альбомы живописи и говорили о китайской философии. И тоже возились с какими-то древними бабушками.

А еще Сережа все время мечтал. О чем – неизвестно. Но

это стоило ему шрамов на лице, когда он, задумавшись, протаранил лбом стеклянную дверь магазина. И подбитого глаза, когда, засмотревшись на живописно плывущие по небу облака, свалился в яму прямо на головы копошащихся там строителей, мужиков простых и несентиментальных, которые тут же объяснили парню, зачем нужны глаза.

«Как же ваш сын будет жить? – спрашивали его родителей знакомые. – Он такой...» Папа с мамой, обычные работники, не понимающие всех этих Сережиных тонких душевных движений, только беспомощно разводили руками.

А Сережа еще и поступил на философский факультет, в связи с чем продвинутые пацаны района и Людка с подружками сделали глубокомысленный вывод: «Не, ну точно псих!» Тогда, в 90-е, в моде было совсем не это. Тем более в маленьком украинском городке.

Несколько раз родители пытались женить Сережу на прекрасных дивчинах, гарных, как та Людка, румяных и хозяйственных. Но когда, вместо того чтобы проявить свою мужскую сущность, он предлагал им «полюбоваться палитрой красок на закате» или спрашивал: «А что вам ближе всего из Феллини?» – потенциальные невесты быстро испарялись. А Сергей особо и не расстраивался. Казалось, что он вообще охладел к вопросу взаимоотношений полов.

Учиться он уехал в Киев. Днем сидел на лекциях, ночами работал сторожем. Читал и мечтал. А однажды он забрел в Киево-Печерскую лавру. И понял, что это его.

Воцерковление Сергея было безудержным и неистовым. Он переделался во все черное, отрастил бороду и волосы до пояса, чем со спины напоминал русалку (локоны у него были шикарные, любая девушка позавидовала бы), всячески подражал монахам, везде таскал с собой огромную Псалтирь и мечтал теперь исключительно о Царствии Небесном.

Когда в таком виде он в один прекрасный день приехал домой на каникулы, родители, люди нецерковные, сперва от неожиданности стали звать его на «вы», а потом робко поинтересовались: «У вас шо, на философском факультете так положено?»

Когда же Сергей своим тихим голосом заговорил с ними об адских муках и возможности спасения и заунывно спел молитву перед едой, а потом стал крестить еду и все вокруг, мама испуганно засуетилась и начала подкладывать ему «голубчиков» и тех самых куриных «пупочек в сметане»: «Кушай, сынок, может, отпустит».

А папа очень расстроился, когда Сережа отказался выпить с ним за встречу горилки, назвав ее вражеским зельем. А еще удивился – ведь сын всегда был таким послушным и отцу

никогда не перечил.

Людка же, вышедшая к тому моменту замуж, увидев Сергея во дворе, вместо коронного «Привет, лох!» пробормотала с испуганным поклоном «здрасте!». И, охая, схватилась за свой беременный живот.

* * *

А однажды Сергей решил съездить в Москву – по святым местам. Каким-то ветром его занесло в единоверческий храм.

И как когда-то он с головой уходил в китайскую философию, потом с трепетом и слезами на глазах «открывал» для себя Бога на службах в Киево-Печерской лавре, так и теперь он бесповоротно почувствовал, что истина здесь и нигде больше.

Через несколько дней он уже был переодет в косоворотку, которую купил на Рогожском рынке, подпоясанную плетеным ремешком, и суровые кирзовые сапоги, несмотря на летнюю испепеляющую жару.

Он почти под ноль сбрил свои шикарные волосы (ведь староверы длинных не носят), и теперь его голова сильно напоминала киви. На все свои сбережения он приобрел уйму книг по знаменному распеву и отныне и навеки презрел ноты. Деньги на возвращение в Киев ему дали в том же староверческом храме. При условии, что он будет популяризиро-

вать знаменное пение.

Всю обратную дорогу Сергей страшным голосом тренировался в тамбуре петь по крюкам, из-за чего чуть не был высажен проводниками за нарушение общественного порядка.

Теперь он часами с восторгом мог говорить о поморах. И мечтал о суровой подвижнической жизни на Белом море. Над ним смеялись, а он, как и раньше, когда его звали пить пиво, лишь виновато улыбался и утыкался в свои крюки. В таком виде Сергей через какое-то время и предстал перед удивленными очами своего духовника из Киево-Печерской лавры отца Антония.

Видавший виды старенький монах и раньше был озадачен бурным духовным возрастанием своего вроде бы тихого чада. А тут и вовсе опешил. Но, как человек в этих вопросах опытный, в конце концов сумел переодеть Сергея в мирское, повернуть его мечты в более современное русло и убедить окончить философский факультет, который тот твердо решил бросить.

И парень даже отрастил романтическое каре, которое ему очень шло и делало его похожим на поэта. Таким я и встретила его через несколько лет в храме у отца Евгения.

* * *

А пока шло время. Неофитские штормы закончились, и церковная жизнь Сергея вошла в спокойное русло. Верил

в Бога он теперь тихо, без закидонов, но искренне и как-то по-детски.

Он много молчал, так же как и раньше, все время о чем-то мечтал и всегда старался всем помочь. И был настолько критически безотказным и необидчивым, что даже церковные старушки называли его «святенький ты наш».

Но и сейчас его почему-то никто не воспринимал всерьез. Не было в нем этого... героического.

Он давно окончил институт и нашел работу в Киеве. Как ни странно, очень хорошую. А в свободное от этой работы, лаврских служб и помощи всем подряд время он любил петь на клиросе в одном маленьком храме при больнице. А еще иногда помогал уборщицам, которые звали его между собой «малахольным», мыть там коридоры. И ходил с батюшкой по палатам, когда тот причащал.

Так он и встретил Дусю.

* * *

Дуся умирала. В принципе, вся ее жизнь уже много лет была сплошным умиранием. У нее с рождения было заболевание почек. А в пятнадцать лет ей их удалили. Сразу обе. Дважды девушке пытались подсадить почку, хотя бы одну, но она отмирала прямо на операционном столе. Теперь, чтобы хоть как-то жить, Дуся должна была три раза в неделю делать гемодиализ. И так годами. Но организм устал и уже

не справлялся. Она была очень слаба, ела через катетер и совсем не вставала с кровати.

Сергею очень захотелось как-то помочь этой несчастной девушке. Он стал приходить к ней, приносил подарки, иконки. Рассказывал о Боге, о лавре, о себе. А она – о себе. И о море книг, которые прочитала, пока годами лежала в больницах. И вместе они мечтали. Я не знаю, о чем может мечтать умирающая девушка, но они с Сергеем друг друга понимали.

Когда она, уставшая, засыпала, он тихо молился у ее кровати.

А однажды Сережа привел к ней батюшку. Впервые в жизни Евдокия исповедалась и причастилась.

Как-то Сергей пришел в больницу и увидел, что Дусина кровать пуста. И матраса нет. Так обычно делают, когда кто-то умирает.

Он бегал по коридору как обезумевший и кричал:

– Где? Где она?!

– Да все хорошо с твоей любимой, – сказала, улыбаясь, старенькая санитарка. – В другой палате она.

И добавила про себя: «Малахольный».

– Любимой? – удивленно повторил Сергей.

А ведь и правда – любимая.

В тот же день Сергей сделал Дусе предложение. А на ее удивленный взгляд ответил: «Ты встанешь, и мы поженимся».

Через неделю Дуся попросила врачей убрать ее катетер,

и Сергей начал кормить ее с ложечки, как маленькую. Он делал ей массаж затекших рук и ног и возил на коляске гулять в больничный сквер. И в храм.

Дуся окрепла. Однажды встала с инвалидной коляски и пришла в храм, опираясь на руку сияющего Сергея. А потом сама. Начала петь с ним в церковном хоре. Быстро уставала, но с каждым днем ей становилось все лучше.

Там же, в больничном храме, их и обвенчали. А вскоре Дусю выписали.

Ей все так же приходится приходить три раза в неделю на гемодиализ. Но теперь с ней Сергей. Он заботится о ней. И любит. И она любит. Живет и счастлива. Теперь Дуся превратилась в какую-то сказочную красавицу. К удивлению врачей, которые только разводят руками.

Сергей и Дуся много путешествуют. Естественно, по тем местам, где Дуся может делать свои процедуры. И все, кто их знает, смотрят на них с улыбкой и говорят: «Какие же они молодцы! А Сергей-то, оказывается, какой... Заботливый, сильный... Герой».

* * *

Когда мы познакомились, Сергей и Евдокия заскочили на пару дней к его родителям в городок N, где он вырос. И уже собирались уезжать, но перед отъездом зашли на службу.

Эту историю тогда, за праздничным столом у отца Евге-

ния, они мне сами и рассказали. Они и... Людка. Да, да, та самая разбитная пышногрудая красавица Людка из соседнего подъезда, которая сидела напротив.

Она пополнела, уже пару раз побывала замужем, и оба раза ее бросили «продвинутые пацаны с района». Теперь она растит сына одна, воцерковилась и много помогает отцу Евгению.

Она грустно смотрела на Сергея с Дусей и вдруг сказала: «Знаешь, Сереж... Это не ты лох. Это я лох. Где же были мои глаза! Ты такой... Такой... Да не бойся ты, Дусь! Он на тебя вон не надышится».

А Дуся сидела тоненькая, нежная и солнечная, как ромашка. Сережина мечта. А он то поправлял ей платок, то наливал компот, то что-то шептал на ухо. И оба они улыбались. Людке, друг другу, отцу Евгению, всем вокруг... И той прекрасной жизни, которая ждет их впереди.

Гарна дивчина и Питер Бабангуда

Маленький украинский городок волновался. Он и раньше волновался, но как-то привычно, без экзотики.

То начинающий православный христианин Ванька Коноваленко (будущий батюшка, кстати) опять выпил лишнего и отправился к баптистам обращать их в истинную веру. Не устраивало его, что те «уже в раю», – ведь «Царство Небесное нудится»!

Среди баптистов тоже есть горячие парни. И в итоге богословские споры закончились совсем не христианским рукоприкладством. И отцу Евгению на пару с пастором пришлось вытаскивать своих духовных чад из участка.

То Ирка из седьмого подъезда в третий раз разводится

с одним и тем же мужем – непутевым бабником Колькой. Но ведь опять простит. И на радость гостям отгуляют они четвертую свадьбу. И будут жить душа в душу. Года два. До нового Колькиного вскрывшегося адюльтера и громкого скандала, который будет внимательно слушать вся улица. Ну и очередного развода...

То у бабки Параскевы опять украли на даче всех кролей. И она мчится в милицию и вопит на весь город: «И шо ш я теперь буду йисти?!» И почему-то проклинает «ворюг-цыган», которых в этой местности никто никогда не видел...

В общем, все здесь всегда стабильно и предсказуемо. Даже волнения.

Но на этот раз в маленьком украинском городке случилось нечто из ряда вон выходящее. К Олеське Пасюк приехал жених. Питер Бабангуда! Из Нигерии!

* * *

Несколько лет назад черный как смоль Питер уехал из своей Африки в Киев учиться на врача.

Собирали его всем родным кварталом города Майдугури. Жителей этой местности то и дело косит то понос, то золотуха, то малярия, то кусают какие-то зловредные змеи и злокозненные насекомые.

Одноплеменники Питера очень хотели своего хорошего доктора, который всех спасет. И выбрали для этой почетной

миссии его.

Учиться Питер любил. Но еще больше полюбил славянских девушек. «Царыца», – говорил он вслед каждой второй и восхищенно цокал языком.

А однажды на улице он увидел Олесю, гарную украинскую дивчину. Красавицу, как из сказки. Сама из провинции, она гостила здесь у подруги.

Питер Бабангуда был сражен наповал длинной русой ко-сой, бездонными голубыми глазами и всем остальным, не менее прекрасным, чем природа в избытке ее наградила. Да так сражен, что даже забыл сказать «Царыца!». А язык у него вообще отнялся.

Он шел рядом с Олесей и глупо и широко улыбался. Она даже засмотрелась на его неестественно белые зубы, казавшиеся еще более белыми на фоне иссиня-черной кожи. Парень воспринял это как ответный знак внимания. И тут же купил у какой-то старушки огромную охапку роз и вручил красавице. Так они познакомились.

Питер проводил Олесю домой, а потом всю ночь бродил по Крещатику и предавался грезам любви. А на следующий день, дождавшись ее у подъезда, под бой барабана, который притащил с собой, и в своем каком-то национальном костюме сплясал девушке невероятный африканский танец.

– Это нигерийский танец любви, – объяснил Питер.

Из окон хлопали, из машин сигналили, а какие-то прохожие даже пытались сунуть африканцу деньги.

Такой сметающей все на своем пути романтики Олеся у себя в родном городке никогда не видела. И дрогнуло девичье сердце.

Каждый вечер они вместе гуляли. И Питер бросал яростные африканские взгляды на всех, кто смел с симпатией смотреть на Олесю. И так угрожающе раздувал свои пышные ноздри, что соперники тут же ретировались.

«Отелло ты мой!» – ласково ворковала Олеся, прижимаясь к Питеру. А он таял, терял голову и был где-то на небесах.

Но настала пора Олесе возвращаться в свою украинскую глубинку. Они проплакали всю ночь и клялись друг другу в вечной любви.

Питер звал ее в свой родной Майдугури. Но Олеся знала о той местности только то, что «в Африке акулы, в Африке гориллы, в Африке большие злые крокодилы...». И что-то помнила из уроков географии. И боялась...

«Я к тебе приехать, обязательно приехать», – кричал вслед уходящему поезду бегущий по перрону Питер. Падал, вставал и бежал дальше.

Она смотрела в окно, и сердце ее разрывалось. А соседи по вагону наблюдали всю эту мелодраму и недоуменно пожимали плечами: «Ишь ты... Красавица и чудовище»...

Питер Бабангуда слово сдержал.

В один прекрасный день родители Олеси, простые украинские работяги, были, мягко говоря, озадачены, когда на пороге их квартиры возник классический африканец с букетом цветов, кучей подарков и ослепительной белозубой улыбкой.

Олеся о его приезде знала, но родителям сказать не рискнула.

– Я Питер Бабангуда из Нигерии, приехал жениться на ваш дочь, любить и иметь много детей, – выпалил Питер заранее подготовленную фразу. Очень убедительную, как ему казалось.

– Откуда ты приехал любить наш дочь? – вытаращил глаза будущий тесть Иван Тарасович.

– Много детей? – ахнула потенциальная теща Мария Даниловна и схватила за сердце.

– Питер! – кинулась на шею любимому счастливая Олеся.

– Иван, я прошу, только без рук. Иностранец. Международный скандал, – повисла на локте мужа Мария Даниловна.

– Шо? Ты хто такой? – прорычали хором два Олесиных брата-каратиста Кирилл и Алешка.

– Жених-то – загляденье! Совет вам да любовь! – ехидно прошамкала беззубым ртом в приоткрытую дверь сосед-

ка баба Поля, имевшая обыкновение за всеми подглядывать и подслушивать.

– Так, спокойно! Заходим, дома поговорим, – первой взяла себя в руки Мария Даниловна. – А ты, баб Поль, иди отдохни. Антракт!

Но баба Поля отдыхать не пошла, а с неожиданной для ее почтенного возраста резвостью помчалась по товаркам разносить потрясающую новость: Олеська Пасюк выходит замуж за африканского аборигена из племени людоедов.

И заволновался городок. Такого здесь еще не бывало!

А в это время на кухне у Пасюков шел «совет в Филях». Иван Тарасович с каратистами Кириллом и Алешкой молча и мрачно тянули пальмовое нигерийское вино, которое Питер привез им в подарок. Оно казалось им слабым и каким-то «бабским», поэтому положительного мнения о женихе они еще не составили.

Тихая всегда Олеся проявляла редкую непреклонность:

– Или соглашайтесь, или сбегу в Майдугури! Или вообще уйду в монастырь! Отец Евгений благословит!

Отец Евгений был местным батюшкой и духовником Пасюков.

– Ну а что, вроде парень-то неплохой. Приехал вон по-хорошему, подарков привез. Ну черный, и что? – проговорила Мария Даниловна, любовно поглаживая какую-то замысловатую и очень красивую нигерийскую ткань, которую Питер вручил ей на сарафан.

– А что люди скажут? – проворчал Иван Тарасович.

А Питер сидел, улыбался и любовался на свою красавицу Олесю. Он точно знал, что без нее ему жизни нет. И он сделает все, чтобы они были вместе. И даже выпил залпом рюмку самогона, которую, для проверки «профпригодности», вручил ему Иван Тарасович. И заулыбался еще шире.

* * *

Было решено обратиться за советом к отцу Евгению. Случай-то нестандартный. Отец Евгений сначала попытался Питера и Олесю отговорить.

– Понимаешь, брат, люди у нас простые, неотесанные, к иностранному не приученные. Еще скажут что-нибудь... нетолерантное.

Но, проговорив с молодыми около двух часов, только руками развел: «Любовь!» И призвал родителей с братьями-каратистами смириться и принять все как Божью волю. И определил дату присоединения католика Питера к православию.

А вечером уже строчил статью на епархиальный сайт о том, как эффективно проходит у них в маленьком украинском городке N миссионерская работа: что даже нигериец Бабангуда прозрел и готов познать истину.

Хотя Питеру, по большому счету, было все равно, в какой вере пребывать. Он и католик-то был – одно название. Но ради Олеси был готов на все. Но сначала отец Евгений бла-

гословил Питера походить на службы и в воскресную школу. Детскую, правда, – другой не было.

В воскресной школе у Питера не задалось. Точнее, задалось, но не так, как предполагал отец Евгений. Чернокожий веселый парень сразу стал любимцем всех детей, которые называли его «Чунга-Чанга». Он не обижался. И научил их зажигательным африканским танцам. Сам же за две недели с трудом освоил лишь «Отче наш» и «Царю Небесный». В итоге учителя упростили батюшку Питера из школы удалить, потому что своими плясками он нарушает дисциплину и срывает все занятия.

На службах ему понравилось. Особенно золотые облачения. Африканцы любят все блестящее. И кадило с колокольчиками и ароматным ладаном.

Питер быстро подружился с церковными бабушками, которые поначалу его сторонились: «Полька-то гутарила – людоед».

Но он был добрый и доверчивый. И мог часами со страхом и трепетом слушать их рассказы об адских муках, чудесах и райском блаженстве. Да и просто – об их одинокой старушечьей жизни.

Самой его закадычной подругой в храме стала местная «дурочка» Машка. Ей было давно за шестьдесят, но ее так все и называли – Машка – и обращались к ней на «ты». Кто она, откуда, никто не знал. Почти все свое время женщина проводила в храме, очень любила детей, а они ее. Она и сама

вела себя как ребенок. А еще она всем сердцем была предана отцу Евгению. Была там какая-то история.

Машка водила Питера по храму, показывала иконы, что-то рассказывала. А он кивал и улыбался. И вокруг них всегда роились дети.

Он проникся церковной жизнью и даже пытался впасть в неофитство – завел себе четки в метр длиной и переделся во все черное. Но вскоре по городу поползли слухи, что под покровом ночи выходит на улицу привидение. Тела нет, а только белые глаза и зубы плывут в темноте. И опять заволновался суеверный народ.

– Ты, это, переоденься в светленькое. У нас освещение плохое – не пугай людей, – посоветовал Питеру отец Евгений.

Так начиналась его церковная жизнь. И вскоре Питер стал православным христианином Петром – в честь апостола.

* * *

Наконец, после долгой бюрократической волокиты с посольством Нигерии в Киеве, были получены все бумаги и назначен день регистрации и венчания. Бабангудой Олеся называться отказалась. Уж слишком экзотично для этих мест. Пришлось Питеру стать банальным Петькой Пасюком.

На свадьбе гуляло много народу. Мария Даниловна была в шикарном сарафане, сшитом из подаренной нигерийской

ткани. Иван Тарасович – в костюме, который он не надевал уже лет десять. И с гордостью объявлял всем, что у них «зять не непонятно шо, а иностранец».

Каратисты Кирилл с Алешкой тяпнули горилки и исподлобья следили за всеобщей толерантностью. Народ-то простой, вдруг что скажет.

Пили, пели, общались с необычным женихом. И все вместе «отбацывали» нигерийский танец любви, которому он всех их научил.

– А у вас правда людей едят? – спрашивала с опаской бабушка Поля.

– Правда! – страшным голосом отвечал Питер и скалил белоснежные зубы. – Ты че, ты че, шютю! – смеялся он, видя, как бабуля хватается за сердце.

– Не «че», а «шо»! – в пятый раз поправлял его Роман Тарасович, дядя невесты. – Ты шо, не вдупляешь?

– What is «не вдупляешь»? Олэся, транслэйт, – шептал любимой озадаченный жених. Но та только смеялась. А дядя Рома обреченно махал рукой: с этим каши не сварить.

* * *

Прошло время. Петя окончил учебу. Но врачом не стал. У него открылись другие таланты. Он торгует на рынке овощами и фруктами, которые выращивает на даче семья Пасюков. Весело торгует, с песнями и танцами, как любят афри-

канцы. И из всех продавцов у него самый высокий доход.

Парню на Украине очень нравится. Он уже со знанием дела «шокает», «трескает» сало с чесноком и просится у отца Евгения поалтарничать. Но тот пока не решается. Подруги Олесе завидуют. Петька Пасюк не пьет, как их «ироды». Не гуляет. Жену любит страстно, по-африкански. И Олеся вот-вот должна родить пятого ребенка.

– Ты Петя, это, притормозил бы, постился бы больше. А то, глядишь, у нас скоро весь приход будет чернокожим, – с улыбкой говорит ему отец Евгений.

– Я приехал сюда любить и иметь много детей, – смеется Петька в ответ.

Петька Сопля

Над Петькой всегда все смеялись. Был он щупленьким, маленьким, болезненным, тихим. Уши как локаторы, нос картошкой, а на носу этом очки. И не просто очки, а еще и на резиночке вокруг головы. Мамка затягивала, чтобы не спадали.

В детском саду он часто писался. И воспитательница из каких-то своих педагогических побуждений ставила его в мокрых старых растянутых колготках, с дырками на пальцах, перед всей группой на стул и говорила: «Смотрите, дети, Петя у нас маленький. Петя описался! Стыдно, Петя!»

Петьке было стыдно. Очень. Он стоял, опустив голову, а из носа у него вытекала предательская зеленая сопля. Он

громко втягивал ее обратно, а она опять текла. А дети смеялись. И из-за мокрых колготок, и из-за этой сопли. И просто потому, что воспитательница так хотела.

Потом в школе, когда его также будут ставить за какие-то провинности перед классом, а повзрослевшие дети будут смеяться, он опять будет опускать голову, а из носа так же будет течь. И к нему надолго приклеится – Петька Сопля.

* * *

Самым ярким воспоминанием его раннего, досадовского детства было мамино окровавленное лицо. И папкин пьяный крик: «Убью!»

Отец бил, мамкина голова болталась из стороны в сторону, как на нитке, и Петька боялся, что она оторвется. Мама старалась не кричать, не хотела пугать сына. Лишь закрывала голову руками и шептала: «Выйди, сынок, не смотри».

А Петька от страха не мог даже уйти. Он забился в угол и, как загипнотизированный, смотрел на мамкину мотающуюся голову. И описался.

Папка тоже смеялся тогда над ним. Каким-то сумасшедшим пьяным смехом. И орал: «Ты не мужик, ты – сыкун!»

Потом отец по пьяни убил кого-то на улице, его посадили. В колонии он и сгинул.

Чуть повзрослев, Петя узнаёт, что замуж за папку его мать вышла, пытаясь сбежать от точно такого же своего отца –

буйного алкоголика, который так же бил смертным боем его тихую, безответную бабушку Веру. От такой жизни умерла она совсем не старой, в пятьдесят восемь лет. И на похоронах люди даже не понимали, хорошо это или плохо. Лишь тихо повторяли: «Отмучилась, сердешная».

Бил он и Ольку. И пошла она за первого встречного, лишь бы кончился весь этот кошмар. Сбежать не получилось. Муж оказался таким же...

Но помер в колонии отец. И остались они с мамой Олей одни. Оба тихие, забитые. Поломанные какие-то. И не грустили из-за этого, и не радовались. Ковыляли дальше по жизни.

Жили бедно. Ольга получала пенсию по инвалидности (отбил ей муж почки) и работала у них в подъезде консьержкой и уборщицей. Иногда, за какие-то копейки, жильцы просили ее прибраться у них дома. Она делала все старательно и молча. Люди ее не обижали, но считали странной и относились свысока. Может, специально, а может, и нет.

Она и дома много молчала, но Петьку любила очень. Обнимет, бывало, и плачет... И шепчет: «Что ж за судьба у нас такая, сынок... Хорошо хоть ты на отца с дедом не похож... Тихий».

А Петька слушал и думал, хорошо это, что он тихий, или нет.

Ни в классе, ни во дворе его не любили. Таких вообще не любят. Неудачников, которых побила жизнь. Как будто

считают, что, раз не добила, обязательно нужно добить.

Как-то в школе затащили его мальчишки в туалет и давай дразнить: «Сопля! Сопля! А твой отец – убийца! А мамка – уборщица!» А один добавил: «Она и у нас дома толчок может!»

Петька хотел убежать, а они начали толкать его и смеяться: «Трус! Ну, ударь, ударь!» А Петька не мог. Он боялся драться – все вспоминал то мамкино окровавленное лицо и звериный оскал отца. И ему, как и тогда, хотелось забиться в какой-нибудь угол.

Мальчишки сорвали с него очки, а Игорек, тот, который хвастался про толчок, швырнул их в унитаз. Петька испуганно шурился, а потом заплакал. И потекла та сопля... Его били. Били и хохотали. Потому что тихий. А они – сильные. И пригрозили напоследок: «Скажешь кому – еще больше получишь».

Он не сказал. Когда все ушли, залез рукой в унитаз и достал свои очки на резиночке. А когда вернулся в класс, на доске было написано: «Сопля – трус!»

* * *

Спокойней всего ему было в больнице. Петька часто болел бронхитами, воспалением легких. Мог лежать там неделями. Врачи были хорошие, добрые. Над ним не смеялись. А молоденькая улыбчивая медсестра Ириша даже угощала

конфетами.

Мамка приходила, жалела. Ей иногда даже разрешали оставаться на ночь – за это она мыла в больнице коридоры. Спали они тогда в обнимку на одной кровати. И Петька все просил: «Мам, давай уедем!» Но ехать им было некуда.

Нет, была, конечно, в жизни мальчика не одна тьма крошечная. Были и счастливые дни. Они с мамой очень любили животных. То она приносила с улицы голубя с подбитым крылом, и они его лечили. И радостно смотрели, как он улетал у них с балкона, махнув благодарно на прощанье крылом... То он – слепого щенка, которого они долго выхаживали, и стал он Бобиком, верным Петькиным другом. То котенка с перебитой лапой. И возились с ним. И выросла из него кошка Маруська. Ласковая, нежная. Правда, хромая.

Сами несчастные и подбитые, они таких же подбитых понимали и жалели. И дарили им свое тепло. А те им – свое.

* * *

Однажды пошел Петька гулять с Бобиком на реку. Была зима, вода замерзла, но лед был тонкий, а кое-где виделись проталины.

Дело было в южном городке, где зимы не очень холодные. И ходить по льду там очень опасно – ненадежный. Но самые отчаянные рыбаки все равно умудрялись сидеть целыми днями на реке и ловить в проталинах рыбу. Каждую зиму кто-

то там тонул, но мужичков это не останавливало. Тяпнули водочки «для сугреву» – и вперед.

В общем, шел Петька вдоль реки, думал о чем-то своем, а впереди бежал верный Бобик. Вдруг видит – одноклассники. И те, кто тогда в туалете бил, и другие. Столпились у парапета и что-то шумно обсуждают. Хотел Петька их обойти, чтобы, как всегда, на насмешки не нарваться и про «Соплю» не услышать, но посмотрел в ту сторону, куда они пальцами показывали, – а там на льду котенок.

Кто-то из рыбаков мелкий улов высыпал, и трепыхались еще живые рыбки. К ним и полз полосатый малыш. Голодный, наверное. Или просто поиграть хотел. Лапки на льду разъезжаются, падает, на пузе скользит, но встает и дальше ползет. А впереди трещины и полыньи.

– Спорим, доползет! – говорил кто-то из мальчишек.

– Да не! Провалится, потонет.

– На что спорим?

– На десятку...

Вдруг задние лапки котенка провалились под лед. Пытается он выбраться, когтями за край проталины хватается, орет истошно. Но ничего не выходит.

– Ну все! Капец кошарику, – подытожили мальчишки.

– С тебя десятка.

– Ой, мамочки, – зажмурились девчонки.

– Сопля, слабо котенка достать? – крикнул вдруг кто-то из пацанов.

И остальные «заржали» и собрались уже уходить.

– Сопля! Ты шо, дурак?! Мы ж пошутили!

Но Петька уже куртку с себя скинул – и на лед. Бобик – за ним. Не оставил друга в беде.

– Куда? Стоять! – заорал им вслед какой-то мужик, сбросил с себя все, кроме подштанников, обнажив все в татуировках, мускулистое тело, и ринулся следом.

Петька с Бобиком кое-как до котенка доползли, мальчишка взял его на руки, и тут лед треснул и все втроем действительно утонули бы, если бы тот дядька не подоспел. Всех и вытащил.

– Так, греться, здесь рядом! – скомандовал он.

Даже не стал одеваться, чтобы пацан не замерз. Схватил свои вещи – и бегом. И странная компания – мокрый Петька с перепуганным котенком на руках, Бобик и мужчина в подштанниках – куда-то побежали.

* * *

Метрах в семидесяти от набережной был храм. Туда и потащил всех полуголый спаситель.

– Картина Репина «Не ждали», – удивленно произнес местный настоятель отец Евгений. Но подробности выяснять пока не стал, а собрал все теплые вещи, какие там были, и укутал «пловцов». И даже Бобика с котенком. Порылся в каком-то пакете, достал сыр, но есть зверье отправил в при-

твор.

– Варвара Васильевна, вскипятите нам, пожалуйста, чайку, – крикнул батюшка старенькой просфорнице.

Она как раз на кухне тесто месила.

А пока готовился чай, татуированный мужчина рассказывал ему подробности «спасательной операции», растирал Петьку и все приговаривал:

– Ну ты мужик! Вот это мужик! Уважаю! И не испугался ведь!

От неожиданности мальчишка даже перестал дрожать. Мужиком его еще никто не называл. Соплей только. Да и не знал он сам, испугался или нет. Просто жалко стало котенка. До слез жалко...

– Тебя, кстати, как зовут?

– Петька.

– Петр! «Камень», значит, – улыбнулся мужчина. – Камень... – И радостно потряс его за плечи.

Но Петька ничего не понял. Что за камень?

– А меня – Сергей. Но многие называют Спецназ. Будем знакомы.

– Да! Спецназ у нас герой, – улыбнулся отец Евгений. – Воевал. В каких только передрягах не был. И ордена у него, и ранения. Ну он тебе сам потом расскажет... И ты, Петя, герой!

Сергей покраснел и махнул рукой. А Петька робко улыбнулся и прищурил подслеповатые глаза. Чтобы лучше раз-

глядеть этого необычного человека в черном «платье», который назвал его героем. Очки-то утонули..

А в дверях неуверенно переминались с ноги на ногу мальчишки. Прибежали следом – интересно же. Слушали, шептались.

– Ну что стоите, заходите, – позвал их батюшка. – Это ваш друг? Хороший у вас друг.

Пацаны молчали...

* * *

Как Петьку ни растирали, ни поили чаем, все равно он заболел. И две недели пролежал в больнице с воспалением легких.

Мамка, как всегда, навещала его. И рассказала, что тот котенок теперь живет у них дома. И зовут его Мурзик.

А однажды пришел к нему Спецназ. Серьезно, по-мужски, пожал руку и подарил военную фуражку. О Бобике спрашивал, о котенке. Петька сначала смущался, а потом осмелел, разговорился. И сидели они так до вечера – болтали...

Спецназ-то ведь сам был не из счастливых. Да, герой, да, воевал... Но после ранения списали его, и вернулся он домой. А дома никого. Жена к другому ушла.

Пил он с горя, убить ее хотел. Но «вытащил» его отец Евгений, работу на стройке нашел, в храм к себе привел. Отогрел...

Пока Петька общался со своим посетителем, несколько раз заглядывала улыбочивая медсестра Ириша. Косилась на Спецназа, но не прогоняла, хотя время посещений давно закончилось.

Отец Евгений тоже Петьку навестил. И не один, а с пацанами. Узнал как-то, что не ладится у них в классе.

– Извини, – буркнули мальчишки. – Мы... это... Вот тебе апельсины...

Батюшка тоже не с пустыми руками пришел. Игру принес – настольный футбол.

– Ну что, сразимся? – хитро спросил он.

– Давай, давай, мочи! – кричал один.

– Эх, мазила!

– Петька, ну давай...

– Гооооол!

Веселились, смеялись: и батюшка, и мальчишки, и Петька. Как будто не было ни «Сопли», ни драк, ни слез, ни обид...

– Так! Что тут у вас? Батюшка! Что это вы тут устроили?! Больной, а ну в постель! Быстро! – Это медсестра Ириша прибежала на крики. А сама улыбается.

– Петь, мы завтра придем к тебе поиграть, ладно? – попросили пацаны.

Случилось это лет за пять до того, как я впервые попала в тот храм к отцу Евгению.

Помню, очень мне тогда понравился один юный алтарник. Парень лет четырнадцати. Стройный, симпатичный, серьезный, в очках. Правда, уши – локаторы. Но они совсем его не портили.

Приходские девчонки на него засматривались, а он вел себя степенно – ответственным же делом занят. Но нет-нет, а бросал из-под очков взгляды на одну из них – рыженькую, с веснушками. А после службы дал ей просфору.

Помню еще, подошел к нему статный мужчина с военной выправкой и по-мужски пожал руку. А с ним была улыбчивая девушка, и он ласково обнимал ее за плечи.

Мы познакомимся, и я узнаю, что это Спецназ и новая жена его – та самая медсестра Ириша. Любящая и верная. Не зря тогда в больнице она на него все косилась.

На лавочке в храме юного алтарника ждала женщина. Потом я узнаю, что это Ольга, его мама. Тогда, после истории с котенком и знакомства с отцом Евгением, они вместе с сыном постепенно начали ходить в храм.

...Идут годы. Я каждое лето приезжаю в тот городок и почти сразу бегу в маленький храм к отцу Евгению. Меня там любят и ждут. Там всех ждут.

У Спецназа уже пятеро детей – все мальчишки. И все хотят стать военными. А Ириша все ждет, что пошлет им Бог напоследок девочку.

Петькина мама Оля работает в свечной лавке. Женщина она тихая, приветливая, и ее все любят.

Сам Петька уже взрослый молодой человек. Петр. Камень. Окончил семинарию и женился на рыжей девчонке с веснушками – Верке. И, подозреваю, скоро она будет не Верка, а матушка Вера.

А Петька Сопля... остался в прошлой жизни. И никто об этом уже не вспоминает.

Ах да, забыла. Есть там еще один человек. Игорек. Тот самый Игорек, который когда-то в школе кинул его очки в унитаз. Но после того больничного футбола стали они друзья не разлей вода. И он тоже помогает в храме отцу Евгению.

Вот теперь, наверное, и все.

«Не знаешь, чему завидуешь»

С недавних пор у нас появился маленький домик в деревне недалеко от Оптиной пустыни. Приобрели мы его чудесным образом, и об этом я позже обязательно расскажу.

Деревню нашу я пока знаю плохо. Решила прогуляться – осмотреть окрестности. И набрела на местное кладбище. Деревенские кладбища я люблю. Если это слово вообще здесь подходит. Они какие-то тихие, мирные. В тени деревьев, в окружении луговых цветов. Поют птицы, стрекочут кузнечики. Невдалеке мычат коровы.

Как будто жизнь продолжается. Вот прямо здесь, на кладбище. И течет каким-то естественным образом. Уходят старики, рождаются дети – все как должно быть. Как должно

быть. Но ведь бывает и иначе.

В тот день на кладбище я увидела женщину. Она сидела у могилы, которая притаилась в тени рябины, прижимала к себе девочку лет пяти и плакала. Краем глаза я заметила, что на памятнике фотография молодого мужчины.

«Наверное, муж», – подумала я. Вообще на том кладбище много молодых.

«Вот живут люди, любят, рожают детей, строят какие-то планы, – вертелось у меня в голове. – А потом – раз... И в один день все это заканчивается. И жизнь делится на “до” и “после”. Зачем? Почему?»

Я обернулась. Женщина заботливо поправляла цветы на могилке. Они с девочкой собирались уходить.

Шли медленно, тяжело, как будто под гнетом чего-то неподъемного. А я глядела им вслед и вспоминала другую историю – о счастье, о смерти, о горе, о любви. И о не всегда понятном мне Промысле Божиим.

Когда я только пришла в храм, я смотрела на православные семьи, особенно многодетные, любовалась ими и втайне завидовала. Больше всех мне нравились Игорь с Дашей и их пятеро детей. Тихие, улыбчивые и очень счастливые.

Я не была тогда с ними знакома, но мне всегда хотелось подойти и «погреться» рядом. Есть такие люди. Вроде бы ничего необычного не делают, но от них исходит любовь. Не к кому-то конкретно, а просто «безотносительная» любовь, которая живет у них в сердце. Даже не вспомню, что они

делали. Но рядом с ними всем было уютно и хорошо.

Старшие дети у них были уже не маленькие, лет тринадцати-четырнадцати, но сами Игорь с Дашей вели себя как молодожены – они друг за другом ухаживали. Тихо, неярко, но как-то очень трепетно.

Однажды я случайно подглядела, как Игорь сорвал ромашку и протянул Даше. А она расцвела, засветилась вся. Они всегда были внимательны друг к другу. Только Даша поднимет ребенка на руки, Игорь сразу подхватывает, сам берет, чтобы ей не было тяжело. А она: «Я подержу, ты же устал. Отдохни».

Они никогда не ругались и, казалось, были всем всегда довольны. Глядя на них, я вспоминала слова: «Всегда радуйтесь, непрестанно молитесь, за все благодарите».

То, что они всегда радовались, – это точно. Не знаю, непрестанно ли молились... Но не просто пребывали на службе, как я. Они стояли перед Богом. И это было заметно.

Мне казалось тогда, что у таких семей просто не может быть не то что бед, но даже проблем. У них все всегда хорошо. Было, есть и будет. То, что они верующие, воцерковленные люди, добавляло мне этой уверенности.

И я хотела быть такой же. А вместо этого стояла на службе беременная первой дочкой, злая и токсикозная. А кругом у меня действительно были одни беды и проблемы.

Кто-то не уступил место, а мне же так плохо – что, не видно? Кто-то случайно толкнул – непонятно, что ли, что я и так

еле стою?!

Отец Евгений уже полчаса говорит какую-то нудную проповедь. И как назло, про смирение и нероптание. «Был бы ты сам беременным, посмотрела бы я на тебя...»

Муж вчера чашку за собой забыл помыть. (Вот Игорь бы точно не забыл.) Носки бросил на кресло. И как всегда, не понял моих тонких душевных переливов и попросил прекратить истерику.

Потом на исповеди я стояла и ныла батюшке: «Да, грешна. Но никто меня не понимает. Носки... Чашки... А вот Игорь с Дашей... У них все хорошо».

«Носки, говоришь? Да это серьезно, – грустно улыбнулся отец Евгений. – Игорь с Дашей... Ты с ними не знакома? Ничего, когда-нибудь познакомишься. Не знаешь, чему завидуешь!»

Прошло время, и я действительно с ними познакомилась. Для Игоря и Даши это второй брак. Игорь и его первая жена Ирина поженились еще на втором курсе института и очень любили друг друга.

Иру вообще все любили. Маленькая, тоненькая, смешливая, она всегда была готова всем помочь и была душой компании. Знаете, есть такие люди, которые созданы для жизни. Из которых она бьет ключом.

Потом родился сын Илюшка, и казалось, счастью не будет конца. Но вдруг все закончилось. Иру насмерть сбил пьяный водитель, когда она шла за сынишкой в детский сад.

Прямо на пешеходном переходе. В тот день у мальчика был день рождения, и дома его ждали подарки, гости и угощение. А вместо праздника к ним пришли горе и смерть. Все разделилось на «до» и «после»... Игорь остался с маленьким сыном на руках. И в какой-то жуткой, непролазной темноте. Не спасало даже то, что он был верующим человеком.

Один раз он едва не покончил с собой – хотел прыгнуть с моста. «Но, как будто специально, мимо проходил какой-то старик, – рассказывал Игорь потом. – Наверное, по моему лицу все понял и сказал: “Не делай этого!”»

Игорь решил, что будет жить ради сына. И все у них будет хорошо! Но когда вечерами Илюшка – копия Иры, ложась спать, плакал и спрашивал: «Где мама?», он не выдерживал и пил ночами на кухне водку.

Часто ходил на кладбище. Рыдал и все спрашивал: «Что мне ему отвечать?!»

Даша тоже часто ходила на кладбище. Уставшая девушка с огромными грустными глазами. Она приходила сюда к мужу Юре. Иногда приводила с собой их с Юрой детей – мальчишек-двойняшек. И вместе они ухаживали за могилкой. Простой работяга, Юра при жизни был добряком и весельчаком. Как и Ира у Игоря.

В Дашку Юра влюбился чуть ли не в пятом классе. А она, красавица и зазнайка, не обращала на него никакого внимания. Пока в семнадцать лет она не заболела гриппом – тяжело, долго, с осложнениями. Тогда-то Даша и разглядела

Юрку, который, как рассказали врачи, «таскался в больницу каждый день и все выпрашивал, как она». Единственный из всех ухажеров.

Через год они поженились. Юра с Даши буквально пылинки сдувал. И то, что у них уже пять лет не было детей, ничуть его не смущало. «Все у нас получится, вот увидишь!» – повторял он с улыбкой. Радостное известие о долгожданной беременности пришло почти одновременно с другим – страшным. У Юрки рак желудка.

Даша до последнего ухаживала за мужем. А он до последнего улыбался, говорил, что все будет хорошо, и гладил ее долгожданный живот. Двойняшки Вася и Ваня родились уже без него.

И для Даши, и для Игоря все тогда закончилось. Они кое-как существовали только ради своих детей.

Странно, даже как-то неестественно, но их новая жизнь, которую они не ждали, началась на том кладбище. Как будто смерть дала свежие, живые ростки.

Именно там познакомились их мальчишки – Илюшка, Вася и Ваня. Дети есть дети. Им везде хочется дружить, играть, жить. И познакомили родителей.

«Папа, это тетя Даша, она угостила меня конфетой», – потянул Илюша к ней Игоря. Домой шли вместе. Делились друг с другом своим горем. А впереди бежали их сыновья. Игорь помог Даше донести сумки, а она пригласила их на чай. И говорили... говорили...

Игорь позвал Дашу в храм. Сам он был прихожанином отца Евгения. А она в Бога верила как многие – «в душе». Так Даша начала воцерковляться. Горячо, истово, хватаясь за соломинку. Теперь они часто встречались на службах. А отец Евгений смотрел на них и как будто что-то знал.

Со временем из дружбы и желания поддержать друг друга, прислониться, чтобы не упасть, согреться, чтобы не заledenеть, возникло нечто большее. Не сразу – нет, конечно. Им еще многое предстояло пережить. Даша помогла Игорю бросить пить. После смерти Иры у него случались запои. Он мог пропасть на несколько дней. И тогда Даша забирала Илюшу к себе. Раньше это делала мама Игоря, но она умерла.

Два раза Даша лежала в неврологической клинике. Первый – еще давно, после смерти Юры. Второй – после очередного запоя Игоря. Она уже понимала, что любит, и боялась потерять.

Тогда Игорь взял к себе ее двойняшек. А потом пришел в храм к отцу Евгению и, плача, пообещал ему и Богу, что пить больше не будет. Он тоже уже многое понял. Где-то через год отец Евгений их обвенчал. И сейчас у Илюшки и двойняшек Васи и Вани есть еще две сестренки – Наденька и Полина.

Тогда, на кладбище в нашей деревне под Оптиной, глядя на ту женщину с девочкой, я думала: «Зачем это с ними случилось? Что ждет их впереди – и ждет ли?» И вспоминала Игоря и Дашу.

Кто бы мог подумать, глядя на них, светлых, окруженных толпой радостных детишек, через что им пришлось пройти. А скольким людям мы завидуем, не догадываясь, как и чем они живут.

Я не знаю, зачем Господь посылает такие страшные испытания. Это известно только Ему.

Но теперь я понимаю, почему Игорь и Даша такие счастливые. Потому что счастье зыбко и может закончиться прямо сейчас. И нужно ловить каждую его секунду. Они это знают.

Я понимаю, почему рядом с ними хочется согреться. Они спешат дарить тепло человеку, потому что завтра этого человека может не быть. Они это пережили.

Они не раздражаются, как я, по мелочам, и не мчатся куда-то в бессмысленной суете. Потому что, пройдя боль, страх и ужас, они познали, что настоящую цену в этой жизни имеют только любовь и вера. И они действительно стоят перед Богом. Потому что как никто знают, что все в Его руках...

«Носки, чашки, Игорь с Дашей... Не знаешь, чему завидуешь, – говорил мне тогда отец Евгений. И добавлял: – Слава Богу, ты не знала горя. И у тебя есть все для счастья. Так цени! Живи! Люби! Радуйся! Эх, люди, люди...»

Бомж, просфорница и ботинки

Живет в городке N бомж по имени Василек. На самом деле его зовут Василий, а Васильком его прозвали лет пятнадцать назад за одноименный цвет лица по причине постоянного пьянства. Последний раз я видела его прошлым летом у магазина. Он был уже не васильковый, а фиолетовый, весь опухший и больной, – удивительно, что вообще еще живой.

Я попыталась с ним поздороваться, ведь мы были раньше знакомы, но он не узнал меня. Только бессмысленно и как-то сквозь меня посмотрел своими мутными, заплывшими глазами. И страшно закашлялся – так что на губах выступила кровь. Было ясно, что жить ему осталось совсем немного.

А когда-то давно Василек побирался у местного храма.

Там мы часто и виделись. Вел он себя тихо, прилично. В благодарность за милостыню говорил: «Спаси Господи!» – и умело крестился, хотя в церковь не зашел ни разу. Был он к тому же единственным на тот момент бомжом в городке. Поэтому его никто не гонял и подавали, по провинциальным меркам, немало. Хотя и знали сердобольные прихожане, что врет Василек, когда утверждает, что собирает исключительно на пропитание и лечение.

На лечение (у него уже тогда было что-то с легкими) ему уже раза три давал денег отец Евгений. И собственноручно сажал на электричку до ближайшей нормальной больницы. Василек же, как рассказывали очевидцы, сходил на следующей станции и топал в магазин за спиртным. А потом, со слезами на глазах, опять являлся на паперти.

Но его все равно жалели. Кормили и продолжали подавать. И люди, и батюшка. Последний выгонял его из притвора только тогда, когда бомжик приходил вдрызг пьяным. «Это храм Божий, имей благоговение!» – говорил он строго.

В общем, все к Васильку как-то привыкли, и он был «неотъемлемым атрибутом» того маленького прихода. Но был у бездомного пьянчужки в том храме злейший враг – просфорница Варвара Васильевна.

Рассказывали, что в свое время она была жутко идейной коммунисткой. Даже когда времена изменились, она долго оставалась верна заветам Ильича, и на заднем стекле ее стареньких «Жигулей», которые остались от покойного му-

жа, тоже идейного коммуниста, красовался лозунг «Слава КПСС!». В зрелом уже возрасте она получила права и, на зависть другим старушкам, ездила на машине в магазин и на рынок.

Но однажды Варвара Васильевна чуть не попала на своих «идеологических» «Жигулях» под электричку – замечталась на переезде. Очнулась она от оглушительного гудка и в последнюю секунду чудом успела проскочить. Это настолько ее напугало, что она резко перешла из коммунистических рядов в ряды православные. И «Слава КПСС!» на ее авто сменилось надписью тем же шрифтом «Слава Богу!».

Прихожанкой она стала самозабвенной. Правда, духовная жизнь покорялась ей с трудом. Храмовые шутники язвили, что и в церкви Варвара Васильевна своих партийных наклонностей оставить не смогла и, как и раньше, зорко следила за всеобщей моралью-нравственностью и чтобы «все было как положено».

Нет, она никому не грубила. Но если ей казалось, что кто-то ведет себя недостаточно благоговейно или, упаси Бог, недолжным образом одет, Варвара Васильевна неслышно подкрадывалась и елеинно-железным голоском бывалого сексота шипела: «А плечики нужно бы прикрыть... Спаси вас Господи!» И человек сразу понимал, что действительно лучше прикрыть. А то, не ровен час, «спасешься» не сходя с места...

Справедливости ради стоит заметить, что к себе Варвара

Васильевна была строга не менее, чем к другим. Да и вообще была женщиной хорошей и в храме безотказной и незаменимой. И просфоры у нее получались – чудо.

Но Василек был у Варвары Васильевны прямо-таки бельмом в глазу. И имела она на него вполне законный зуб. Не могла благочестивая просфорница забыть ему ботинок, которые ей от того же покойного мужа достались. Хорошие, импортные, которые чудом когда-то завезли в их глушь и за которыми в давние советские времена пришлось отстоять длинную очередь. Супруг их очень берег и надевал лишь в особых случаях. После его смерти они были как новенькие и долго еще у нее хранились.

Василек появился на храмовой паперти примерно в одно время с началом бурного воцерковления Варвары Васильевны. О его неумолимой тяге к спиртному мало кто знал тогда.

В общем, сидел он в притворе и слезно просил на одежду и пропитание.

«Помогите, люди добрые, подайте хоть мелочь, смотрите, в чем хожу», – жалобно гнусавил он и показывал на свои вонючие дырявые кеды, из которых торчали пальцы.

Посмотрела Варвара Васильевна на Василька, послушала, вспомнила слова Спасителя: «Был наг, и вы одели Меня...» – и помчалась домой за мужниными ботинками. Вручила их бомжу и с радостным чувством выполненного христианского долга пошла молиться в храм.

А через пару дней отправилась на рынок за продукта-

ми. Проходя мимо прилавка, где располагался местный секонд-хэнд, увидела она эти ботинки. Стоят на самом видном месте – продаются.

– Откуда они у вас? – возмущенно спросила она у продавца.

– Да пьянчужка один принес, уговорил взять. Трубы горели.

Купила Варвара Васильевна свои же ботинки. Не хотела, чтобы чужим людям достались, раз уж из-за Васильковой подлости не получилось у нее «одеть Христа». И долго потом кричала на бомжа у храма. Даже обзывалась неблагочестиво. А он все отнекивался, врал, что украли.

В общем, после этих ботинок и невзлюбила она его всем сердцем. Не давала ни копейки. И в свои особо религиозно-вдохновенные дни наклонялась к его уху и угрожающе шипела: «Слышишь, Василек, не обманывайся: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники – Царства Божия не наследуют... Слышишь – ни пьяницы!!!»

Бомж лишь обреченно вздыхал и разводил руками, мол: «Не судьба мне, да».

* * *

Шло время. Варвара Васильевна пекла в храме просфоры

и, как и раньше, ругалась на Василька. А он так же побиравлся и пил. И тихо обзывал ее вслед ведьмой.

Но однажды перед службой прибежала она к отцу Евгению вся в слезах. Потом, после проповеди, батюшка попросил народ не расходиться и помочь кто чем может Варваре Васильевне. Оказалось, что, пока она ездила к врачу в соседний город, у нее в квартире случился пожар. Хорошо хоть документы с собой были.

Жить ей было негде, и временный кров просфорнице решил предоставить сам отец Евгений, хотя и ютился с многодетной семьей в малогабаритной «двушке». Кто-то пообещал собрать необходимые вещи. Местные рукастые мужички вызвались сделать ремонт. Но вот на материалы и все необходимое денег у погорелицы не было.

Стали скидываться кто сколько может. Приходские бабушки клали на поднос свои жалкие пенсионные копеечки. Люди позажиточней – купюры посерьезней. Варвара Васильевна смотрела на все это и лишь вытирала рукавом слезы.

Вдруг все замерли... У двери покашливал и переминался с ноги на ногу Василек. Он смотрел то на батюшку, то на свою вонючую и грязную одежду, то на всех этих людей. И как будто не решался войти... Как тот мытарь.

«Ты что, Василий? – спросил его батюшка. – Ну заходи».

Бомжик вздохнул, дрожащей рукой перекрестился. Не так лихо и картинно, как раньше, когда клянчил на паперти, а как-то робко и по-настоящему. И шагнул внутрь.

Прихожане расступились. Василек прошаркал к подносу и высыпал все, что было в его кружке, — все, что насобирал за тот день. Потом бомж и пропойца поднял глаза на Варвару Васильевну, и они несколько секунд смотрели друг на друга... Она — с растерянностью и удивлением. А он... Он — с человеческим сочувствием. И с какой-то своей болью. И мне даже показалось тогда — с любовью. Потом молча опустил голову и поплелся к выходу. А Варвара Васильевна все так же растерянно смотрела ему вслед.

Вдруг в этой тишине кто-то громко, по-детски всхлипнул. Все обернулись. Это был Мишка Кривой. В прошлом местный бандюган, потерявший когда-то во время разборок один глаз, а ныне респектабельный владелец нескольких магазинов. Но местные жители его так и звали по привычке Кривым.

Оставшимся здоровым глазом он прекрасно считал деньги и был человеком весьма обеспеченным. Но прижимистым. И, появляясь в последнее время в храме, в особо щедрых жертвованиях замечен не был.

Он и сейчас, когда отец Евгений объявил сбор средств для Варвары Васильевны, собирался слинять. Но, увидев, что сделал Василек, не удержался, издал тот самый растроганный всхлип и с громким «эхххх!» (мне даже показалось, что он добавит: «Гулять так гулять!») кинул на поднос толстую пачку банкнот. И вслед за бомжом вышел из храма.

Что было потом? Да ничего особенного. Варваре Васи-

льевне сделали ремонт. И она опять зажила в своей квартире. И так же печет просфоры.

Изменилась она? Не знаю. Но к Васильку больше не придиралась и на ухо ничего не шипела. И в благодарность купила ему новые ботинки – те, мужнины, сгорели со всем ее нехитрым скарбом. А иногда даже приносила ему пирожки. Но денег не давала – все равно пропьет.

А Василек все так же побирался у храма и пил. Но ботинки эти надел и, сколько я его видела, не снимал. Не пропил, в общем. Но потом, говорят, он перестал появляться.

В общем, жизнь текла своим чередом, и о том случае все скоро забыли.

* * *

Прошло много лет, я давно уехала из того городка и бывала там только наездами. И прошлым летом впервые за много лет увидела Василька у того магазина.

– Отец Евгений, а помните, как Василек высыпал всю свою мелочь Варваре Васильевне? – спросила я батюшку через пару дней. – Кстати, я его видела. Он совсем плох.

– Да, плох... Спился совсем. Жалко. А знаешь, почему он тогда это сделал?

– Почему?

– Так он сам погорелец. Василий же не всегда был таким – бомжом и пьяницей. Жил в селе. Был у него и дом, и хозяй-

ство. Жена была, но умерла. Дочь взрослая. Только замуж вышла. Но сгорел у него дом. Пошел он к дочери, а та: «Извини, папаша! Самим места мало». Вот и запил он с горя. И бомжевать стал. К нам в городок потом пришел. Всем казалось, что все он пропил: и мозги, и человеческий облик, но сердце, оказывается, не пропил, хоть и гоняла его Варвара Васильевна. Отозвалось оно на ее беду, такую же, как он пережил. И это хорошо, что люди добрые рядом с ней были, помогли. А ведь могла и она стать, не дай Бог, Варькой-бомжихой. Василек это знал.

Отец Евгений помолчал.

– Да. Спился он совсем, – заговорил он опять, – опустил-ся. Но знаешь, что я думаю? Не забудет ему Господь той кружки мелочи. Ею он и спасется. Верю, что спасется!

И, посмотрев на икону, батюшка перекрестился.

Маркуша-чудотворец

У меня есть друг. Скажу больше – брат во Христе. Зовут его Марк. Он же вор-рецидивист по кличке Филолог. Он же Маркуша-чудотворец. И он же алкоголик в завязке. Живет Марк в маленьком, самом маленьком украинском городке N.

Когда-то Марк был карманником – изящным и брезгливым. Гоп-стоп презирал за неэстетичность и топорность работы и терпеть не мог крови.

Он очень уважал Мишку Япончика – за элегантность и творческий подход. И даже приобрел себе в местном секонд-хэнде шикарный, по его мнению, костюм. И где-то на рынке стырил шляпу.

У него были аристократические и тонкие, как у пианиста,

пальцы. Ими он мог виртуозно достать что угодно и откуда угодно. Что, однако, не помешало ему пару-тройку раз отсидеть – когда жертва оказывалась ловчее.

Кличку Филолог Марк получил за огромную любовь к литературе. И в свободное от краж, отсидки и запоев время читал много и захлеб. Нет, запои ему не мешали. Алкоголиком он был сентиментальным и даже трепетным. И если еще мог фокусировать взгляд на буквах, то безудержно рыдал над трагической судьбой несчастной Муму или Анны Карениной.

К Богу и Церкви мой брат во Христе тогда был равнодушен. А скорее даже критичен. Узнав про грозное «не укради», он отверг христианство как нечто непрактичное и никак не пригодное для жизни. Тем более для своей.

Зато христианство его не отвергло.

Как-то, в очередной раз освободившись и от души отметив это прекрасное событие, шел Марк по улице. А навстречу ему – поп в подряснике, отец Евгений, настоятель местного храма.

Настроение у Марка было великолепное. Одно из его вдохновенных литературно-пьяных настроений. Выбрав позу потеатральней, он начал декламировать на всю улицу:

– Что нынче невеселый,
Товарищ поп?
Помнишь, как бывало,
Пузом шел вперед,

И крестом сияло
Пузо на народ!..¹

Плохо Марк знал отца Евгения. Точнее, он его совсем не знал... Батюшка принял не менее театральную позу и пропел в ответ:

Сколько лет воровал,
Сколько лет старался, —
Мне б скопить капитал,
Ну а я спивался...

Ни кола ни двора,
И ни рожи с кожей,
И друзей ни хрена,
Да и быть не может².

Марк протрезвел. Протрезвели и мужички, которые тут же в свой законный выходной вкушали на лавочке водочку. А один даже назидательно поднял палец и с трудом изрек: «Не груби попу! Грэх! Святой человек!»

– Это вы обо мне спели, святой человек? – робко поинтересовался Марк.

– Отец Евгений, – представился тот. – Конечно, о тебе, о ком же еще.

¹ Неточная цитата из поэмы Александра Блока «Двенадцать».

² Из песни Владимира Высоцкого «Неудачник».

– А вы шо, знаете, кто я? – удивился Марк.

– Так у нас городок-то маленький. Считай, деревня. Все про всех все знают.

Так они и познакомились. Священник и уголовник.

Отец Евгений был необычным батюшкой. Конечно, каждый батюшка в своем роде необычный, но этот был вообще из ряда вон.

Он вечно носился со всякими, по мнению благородной православной публики, «отбросами» и мечтал сделать из них примерных Божиих чад. Вокруг него постоянно роились какие-то наркоманы, прохиндеи, алкаши, бомжи, проститутки. Он звал их к себе на службы, читал с ними акафисты, давал им деньги на лечение, находил работу. Они его «кидали», обманывали, посмеивались над ним. Но он продолжал.

Нет, отец Евгений не был дурачком. Скажу больше: он был бывший мент. И всех своих подопечных видел насквозь. Он просто верил, что зло в человеке можно победить только добром. Не сегодня, так завтра. В крайнем случае – послезавтра. И что нельзя ни от кого воротить нос. Как когда-то один старенький батюшка не отвернулся от него. Но это уже другая история.

В общем, отец Евгений обрадовался. Его «клиент» в виде вора-рецидивиста Марка сам плыл в его пастырские руки. И он позвал его к себе на службу. Марк отнесся к приглашению скептически. Но через пару дней уже сидел в сторожке при храме и пил с отцом Евгением чай. Нет, чуда не слу-

чилось, разбойник пока еще не покаялся. Ему просто стало любопытно, что это за поп такой веселый.

В обаянии отцу Евгению отказать было сложно. А еще он хорошо помнил слова апостола Павла: «...для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор. 9, 22). И с Марком использовал это на полную катушку.

Как бывший милиционер, он был в курсе некоторых приемов воров-карманников и ювелирно обчистил рецидивиста, пока хлопотал вокруг него с самоваром и плюшками-ва-трушками. Все, естественно, тут же вернул, но Марк еще долго не мог оправиться от восхищенного изумления.

Окончательно же Филолог был покорен, когда выяснилось, что отец Евгений – человек весьма начитанный. И до поздней ночи два этих странных человека спорили о грезах любви у Куприна.

Марк стал приходить чаще. На службах стоял поначалу недолго, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу. Больше любил пить чай с отцом Евгением и церковными бабушками. И очень умилялся, когда они называли его «сынок».

В детстве мать-алкоголичка (покойная уже), когда была трезва и зла, звала его засранцем и гнидой. А подобрев от выпитого – лягушонком.

Еще Марку, как ни странно, нравилось мести церковный двор. Параллельно с этим занятием он общался с приходя-

щими в храм людьми и рассказывал, где найти батюшку, куда подать записку, где набрать святой водички, и через слово повторял подслушанное «спаси Господи!». И чувствовал себя причастным к чему-то важному и высокому.

Так постепенно он втягивался в церковную жизнь.

Отец Евгений посоветовал Марку почитать Евангелие. И всю ночь вор-рецидивист обливал слезами строки, где умирающий на кресте Иисус обещал разбойнику райское блаженство. Перечитывал и опять рыдал.

И вскоре впервые в жизни исповедался и причастился. И пообещал Богу, батюшке, себе и всем вокруг начать новую жизнь – сугубо христианскую. Где не будет ни воровства, ни пьянства, а лишь одно сплошное спасение души.

Здесь бы и сказочке конец, но привезли, на Маркову беду, в тот храм одну из чудотворных икон Богородицы. На несколько дней. Отец Евгений велел не закрывать церковь даже ночью. И шли к Ней люди со своими бедами, мольбами, слезами. У кого-то муж пьет и бьет смертным боем. У кого-то ребенок умирает, и врачи ничего сделать не могут. Кому-то просто тошно и жить уже не хочется, и приполз он сюда из последних сил... Уходили утешенные, с надеждой и благодарностью.

Тут бы и Марку подойти к Матушке Богородице, помолиться, попросить укрепления на новом своем пути. Но подставил ему лукавый подножку.

Увидел Марк, как люди деньги в кружечку рядом с иконой

кладут – в благодарность. Кто чуть-чуть. Кто больше. А какой-то толстый мужик в перстнях такую пачку банкнот из барсетки достал, какую наш вор только в кино видел.

«Видно, крепко приперло мужика», – ухмыльнулся он.

И взыграло в нем неукротимое жульническое вдохновение, которое, оказалось, никуда не делось, а лишь притаилось до времени. И вскоре исчез из этого храма дворник и любитель литературы Марк. А в соседнем городе примерно в это же время объявился «афонский блаженненький иночек Алешенька».

Вы, наверное, уже поняли, кто был этот блаженненький. Свой новый образ Филолог сотворил одновременно из Алеши Карамазова (отсюда и имя) и князя Мышкина Достоевского. Здраво рассудив, что микс из сугубо положительного, бескорыстного монашка и трагического, никем не понятого «идиота» вызывает особое доверие у православного народа.

Старый подрясник и скуфейку он «подрезал» еще в храме у отца Евгения. Ими все равно давно никто не пользовался. Объявился он не просто, а с «чудотворной» иконой Богородицы. Нет, конечно, не с той. Украсть ее у Марка все же духу не хватило. А с обычной – купленной по пути в какой-то церковной лавке.

Инок Алешенька (будем теперь его так называть) приходил в храмы (старался не во время службы, чтобы не нарваться на священников) и сразу же направлялся к бабулям из свечных лавок. Он еще у отца Евгения понял, кто в церк-

вах «рулит». И рассказывал им леденящую кровь историю (а подобных историй он в больших количествах наслушался еще в храме у отца Евгения от тех же старушек) о том, что афонские старцы благословили его на нечеловеческий подвиг: идти пешком и без копейки в кармане по землям русским и украинским и осчастливливать православный люд прикосновением к великой и чудотворной святыне.

«Ибо предсказывают эти тайные старцы времена грозные, последние. Войны и потрясения. Холод и голод. И даже финансовый кризис. И только Она, Божья Мать, может всех нас спасти!» – тихим трагическим голосом изрекал Алешенька. И для убедительности потрясал над головой своей иконой. И доверительно добавлял: «А также Богородица эта может решить любую вашу бытовую проблему. Чему я не раз сам был свидетелем, путешествуя с ней по городам и весям».

Что уж греха таить, падки мы, православные, на всяческие чудеса, знамения и пророчества. Бабульки принимали Алешеньку ласково. Спешили накормить-напоить. Хотели и спать уложить, но он отказывался: «Ускорился времени бег! Близок конец. Надо успеть по всей Руси пройти!»

Тут же передавалось по «сарафанному радио», что «по великой милости Божией спустилось к нам, грешным, с афонских небес счастье! И вообще, старцы говорят...».

Спешили доверчивые люди приобщиться к неземному. Целовали икону, молили Богородицу отсрочить последние времена, а также помочь в более насущном – зарплату повы-

силь, машину купить, дочку замуж выдать.

И, благодарные, растроганные, совали Алешеньке деньги. «Спаси Господи! Спаси Господи! – скромно говорил он, как бы даже отказываясь. – Сам-то я сугубый бессребреник, так благословили, но разве что сирым и убогим раздать...»

Иногда об этом узнавали настоятели. И, как люди опытные, гнали афонского инока вшаей. На это он с чувством оскорбленного достоинства отвечал: «А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому». И удалялся.

«Да что он понимает, этот настоятель, если сами старцы говорят», – в ужасе трепетали бабульки (и не только бабульки) и спешили догнать Алешеньку, чтобы в последний раз приложиться к спасительной иконе и сунуть гонимому монашку пирожок или копеечку.

«Зарабатывал» Алешенька неплохо. А в отдельные дни вообще отлично. И иногда позволял себе кутнуть. Однажды, крепко выпив в ресторане, он решил осчастливить соседний стол, где гуляла шумная и веселая компания.

– Плачу за все! – сказал он вальяжно, пошатываясь. Для убедительности взмахнул веером купюр – в одном фильме подглядел. И потащил танцевать какую-то девицу из той компании.

Очнулся Марк (теперь пусть уж будет собой) через неделю

в больнице. Без денег, документов и с ножевым ранением в живот. Врачи сказали – смертельным. Видимо, ребята из той веселой компании постарались. А может, и кто другой. Он вспомнить не мог.

– Родные кто есть? – спросили Марка.

– Родные? – переспросил он. И задумался. – Есть. Отец Евгений...

На следующий день отец Евгений уже сидел у постели умирающего Марка. А тот еле слышным голосом рассказывал ему про свои похождения. Батюшка только охал и все повторял: «Да как же ты мог, как посмел? Эх ты, Маркуша-чудотворец!»

А Марк плакал. Он не хотел умирать.

Из домика на окраине, который он за копейки снимал в том городке, отец Евгений принес его вещи. Да и вещей-то там было – старый подрясник со скуфейкой и та икона Богородицы.

– Вот! Проси у Нее прощения! – сказал батюшка. – И молись, чтобы спасла тебя, идиота!

– Так она ж не чудотворная! – удивился Марк.

– Чудотворная, не чудотворная... Божья Матерь это!

И Марк молился. Молился и отец Евгений. Истово, горячо. Изо дня в день.

Исповедовал свое неразумное чадо, соборовал, причастил. И случилось чудо! Настоящее. Выжил Марк.

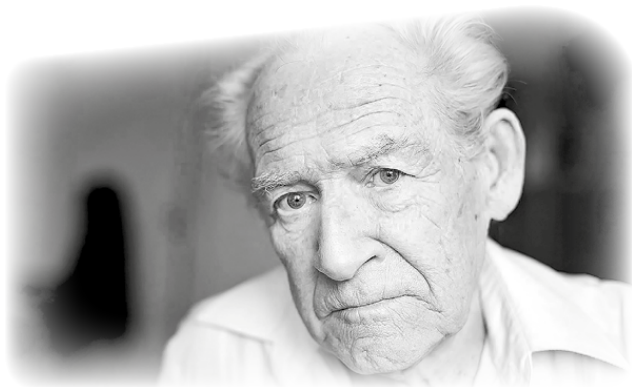
И через какое-то время он уже пил чай в сторожке у отца

Евгения и с гордостью рассказывал нам эту историю – духовный опыт как-никак. Привирал, конечно, как же без этого. Творческий ведь человек. Но отец Евгений его одергивал: «Да ладно языком-то чесать... Филолог».

С пьянством Марк с тех пор завязал. Правда, не по духовной, а по более банальной причине. Нельзя ему – после ранения. Он чаще стал ходить на службы. Исповедуется, причащается. И так же метет церковный двор. И уже несколько лет законопослушный гражданин – не ворует и не «чудодействует».

Окончательно ли покался разбойник или разыграет когда-нибудь еще его жульническое вдохновение? Кто знает. Но отец Евгений в него верит. Хотя и подшучивает иногда: «Маркуша-чудотворец».

Один шаг к Богу

Поздно вечером у отца Евгения зазвонил телефон: «Батюшка, Степан в себя пришел, приезжайте, пожалуйста!»

Степана батюшка знал хорошо. Сын партийных родителей, сам образцовый коммунист, он с молоком матери впитал, что религия – это опиум для народа, а попы – это воры и прохиндеи. И при встрече нет-нет, а пытался вразумить «отсталого» отца Евгения, что Бога нет и никогда не было. И «хватит уже валять дурака, снимайте-ка вы эти бабские шмотки и устраивайтесь, Евгений Александрович, на нормальную, уважаемую работу»...

Правда, когда-то в детстве верующая бабушка Нюра Степушку крестила, но это был его единственный поход в цер-

ковь. И тот в бессознательном, младенческом состоянии.

Крестик родители с него тут же сняли, отругав бабуку за самоуправство. А сам Степка, став позже октябрёнком, потом пионером и так далее, до самой ее смерти припоминал ей этот «позорный факт своей биографии».

Но после внезапной гибели отца его мать Марина, с горя чуть не наложив на себя руки, обратилась к вере. Степана же это только раздражало.

– Ты думаешь, ему это поможет? Где был твой Бог, когда отец умирал? Где?! Нигде! Нет Его! – кричал он. И грозился выкинуть единственную икону Богородицы, которая чудом оказалась у них в доме после смерти бабушки.

Характер у Степана был тяжелый, властный, железный. Женившись, он частенько пил и поколачивал свою тихую, бессловесную жену Наденьку, когда та попадалась ему под горячую руку. Доставалось немало и детям. Поэтому, когда отец уходил на работу, дома все облегченно вздыхали. Его все боялись...

Шли годы. Дети выросли, Степан поседел, сгорбился. Умерла его старая мать, отдав перед смертью икону бабки Нюры невестке Наденьке. И теперь та уже выплакивала перед ней боль и, наверное, просила Божию Матерь смягчить характер мужа.

С возрастом характер Степана и правда немного смягчился. Он почти уже не бил жену, но не понимал, о чем она может говорить с «этой доской». «Иди лучше огородом зай-

мись», – ворчал он. И Надя безропотно шла. Никогда она мужу не перечила.

А потом Степан заболел. Врачи сказали: рак, где-то в голове. Физически он еще чувствовал себя крепким и сильным, но часто заговаривался и иногда не узнавал даже близких людей.

Надя предлагала мужу позвать отца Евгения, но тот лишь отмахивался:

– Что может сделать этот ваш поп, если даже врачи не могут?

«Однажды я все же пришел к нему, – вспоминал батюшка. – Дома у них было мрачно, тягостно... Ни исповедоваться, ни причаститься Степан не захотел. “Я сильный, сам справлюсь, – сказал он тогда. – А если помру, то сожрут меня черви, и все. Не верю я в эту вашу вечную жизнь!”»

А болезнь брала свое. И в один из дней Степан впал в кому. Врачи тогда сказали, что это конец. И для него лучше, если он умрет сейчас. «Потому что даже если он придет в себя, то никогда не станет уже прежним человеком. Он не будет никого узнавать, ничего не будет понимать. Будет овощем», – постановили они.

Надя вызвала домой детей, которые к тому моменту жили в городе своими семьями. Хоть как-то попрощаться с отцом. Вместе они ухаживали за ним, мыли... И, глядя на этого тающего на глазах, беззащитного человека, не верили, что когда-то это был грозный, «железный» Степан... И куда-то

вдруг делись все обиды. Осталась только жалость. И любовь. Несмотря ни на что.

Вот тогда-то, часов в десять вечера, и зазвонил у отца Евгения телефон.

– Приезжайте, батюшка, Степан в себя пришел, – тихо сказала Надя.

«Даров у меня с собой не было, – рассказывал отец Евгений. – Я еще подумал тогда, может, утром приехать. Но вдруг утром будет уже поздно? Захватил освященного масла от мощей Сергия Радонежского, как раз недавно был в паломничестве в лавре, и помчался».

Степан лежал на кровати, глаза его были открыты. Как это ни странно, он был полностью в здравом уме. Узнал и родных, и батюшку. Всех называл по имени, хоть и говорил очень тихо, шепотом.

«Он о чем-то задумался, – вспоминал отец Евгений. – А потом попросил всех выйти из комнаты, а меня – остаться. Мы молчали. Было видно, что он хочет что-то сказать, но не знает, как начать».

– Степан, – начал батюшка. – Не хотите исповедаться?

– Я не знаю... Я никогда не верил в Бога. Но вы не уходите. Когда вы здесь, мне как-то спокойней. И знаете, я все думаю. Я обижал жену, детей, а они мне все простили, возятся со мной... Почему? У меня сейчас все болит. И я понимаю, что такую же боль приносил им...

– Потому что Бог есть! А любовь и прощение – это от Бога.

Отец Евгений предложил отслужить молебен. Потом, в конце, помазал Степана маслом, которое привез. Посмотрел на него и не поверил глазам. «У него даже взгляд изменился. Это был другой человек. Сложно объяснить, но это очень чувствуется, когда человека касается благодать. У меня даже душа запела...»

А Степан смотрел куда-то в сторону, и по щекам у него текли слезы... Он смотрел на ту старую икону Богородицы бабки Нюры, перед которой молились потом и его мать, и жена и которую Наденька принесла в эту комнату и поставила на комод.

– Батюшка, я вспомнил. Когда я был в коме, мне все казалось, что Она смотрит на меня и жалеет. И как будто чего-то ждет... И слышал, как Надя молилась. Может, и есть этот ваш Бог?

– Есть, Степан, есть...

Степан исповедался. Были у него на душе и тяжкие грехи, и совсем страшные. Он ничего не скрывал. Потом попросил позвать родных и со слезами просил у них прощения.

«А я смотрел и чувствовал, что в этом доме все изменилось, что Бог рядом», – вспоминал отец Евгений.

Утром после литургии отец Евгений приехал к Степану со Святыми Дарами. Подумал, что не успел. Степан был уже без сознания. Тут же находились врачи, которые сказали, что счет идет на минуты.

«Я подошел к кровати. И вдруг Степан открыл глаза, уви-

дел меня, я его причастил. Как будто Господь сделал ему этот последний подарок. Ждал его покаяния и дождался».

Врачи уехали. А он прожил еще три недели. Наденька рассказывала, что он все смотрел на ту икону и просил, чтобы ему помогли перекреститься. Всем казалось, что Степан поправится. Он начал понемногу есть и садиться. Потом как-то позвал жену и детей, чтобы помогли ему встать с кровати. А когда им это удалось, он тяжело опустился перед женой на колени и уткнулся лицом в ее ноги.

Так на коленях и умер Степан. А с иконы на него с любовью смотрела Богородица.

«И потом, на отпевании, все чувствовали, что Господь здесь, рядом с этим человеком, “железным” Степаном, который всю жизнь жил не так – пил, бил, обижал... А потом, в последний момент, через свои страдания и любовь близких, сделал один маленький шаг навстречу Богу, и Он радостно, как друга, взял его за руку», – закончил свой рассказ отец Евгений.

«Спасибо за любовь»

В тот день отец Евгений отпевал двенадцатилетнюю Любу. На вид ей можно было дать лет восемь, не больше. Лирика маленькой и хрупкой девочки почти не было видно среди моря ромашек – она их очень любила при жизни. А рядом с ней в гробике лежал старый, потрепанный плюшевый мишка...

Отцу Евгению уже не раз приходилось отпевать детей. Всегда это было очень тяжело. И он с трудом подбирал слова, пытаясь утешить родителей.

Но сейчас ему было как никогда больно. Невыносимо. Отец Евгений отпевал свою самую любимую прихожанку. Борясь с подступающим к горлу комом, он с трудом пел: «Со

святыми упокой». И держался лишь потому, что знал: Любочкина душа сейчас правда там – со святыми, с ангелами, с Богом.

* * *

Эта семья появилась на приходе четыре года назад. Илья, Марина и трое их детей – маленькие близнецы Паша и Петя и восьмилетняя Люба.

На старшую девочку все сразу обратили внимание. Даже не потому, что она заметно хромала, а лицо ее портила зачья губа. Она вела себя не как другие дети. Любу совершенно не интересовала шумная ребятня, которая устраивала на подворье какие-то игры. Она не пыталась с ними познакомиться и даже как-то сторонилась. Зато она постоянно возилась со своими братишками и внимательно следила, чтобы никто из детей их не обидел. А если это случалось, испуганно закрывала собой малышей и тихо говорила:

– Пожалуйста, не надо.

Еще она часто подходила к родителям, брала за руку то одного, то другого, прижималась и заглядывала в глаза, как бы спрашивая: «Вы меня любите?» А те с ласковой улыбкой гладили ее по голове.

Позже отец Евгений узнаёт, что совсем недавно Илья и Марина взяли Любочку из детского дома. Пете с Пашей тогда было девять месяцев.

Родную мать Любы Нину лишили родительских прав. Когда-то она была дворничихой-алкоголичкой. А потом ее выгнали с работы и она стала просто алкоголичкой. В ее грязной, пропахшей табаком и дешевой водкой однокомнатной квартире постоянно пребывали какие-то мужики и стоял пьяный угар. И Нина даже не помнила, от кого из них она однажды забеременела. Хотела делать аборт, но кто-то из собутельников сказал, что за детей «много платят» и на пособия можно прекрасно жить.

Всю беременность Нина вела свой привычный образ жизни. И даже не задумывалась, что теперь она не одна.

– Моя мать чего только ни делала, а я вон здоровая как лошадь, – гордо говорила она.

Девочка родилась раньше срока. Крохотная и синяя. Одна ножка у нее была короче другой. Голова, болтающаяся на шейке-ниточке, казалась огромной по сравнению с тощим болезненным тельцем. А ее маленькое сморщенное личико было изуродовано заячьей губой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.